

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1980
№ 10

1980(II) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 10

РЕДАКЦИЯ:

Проф. В.И. Алексеев (США), проф. А.Е. Климов (США), проф. Р.В. Плетнев (Канада), Г.А. Хомяков (Г.Андреев, главный редактор, США).

Члены редакционного совещания: прот. А.Трубников (Франция), свящ. А. Лебедев(США), дьякон Н. Семенов (Франция), Е.А. Вагин (Италия), проф. Ю.Л. Джапаридзе (США), К.И. Киселева (США). А.И. Михайловский (ФРГ), проф. Н.П. Полторацкий (США), свящ. В. Потапов (США), Г.А.Рар (ФРГ). Т.А. Родзянко (США), Н.Г. Семенова (Франция).

Писать по делам журнала по адресу издательства.
Рукописи посылать по адресу:

**G.Homjakow, 39 Drake Drive,
Bayville, New Jersey 08721, U.S.A.**

Рукописи просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукописи не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

Rev. A.KISELEV

**1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, U.S.A. Tel.: (212) 663-9093**

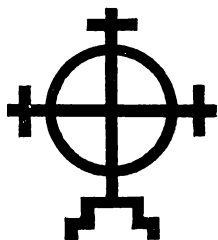
Обложка работы художника А.В. Русака

Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла в Кожевниках (Новгород) 1406 год.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1980(II) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 10

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A.
New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней —

Mr. M.Serebriakov, Lot 2, Old Kent Road, Kentlyn
N.S.W. 2560. Australia.

Мельбурн —

Mr. A.Souprounovich, 11 Cheel Street, Dakleigh, 3166.
Australia

Аделаида —

1) Mr. S.Komarovs, 4 Devon Street, Mile End,
S.Australia 5031.

2) Mr. N.Lobatchevsky, 58 Elizabeth Street, Croydon,
S.Australia 5008.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк —

1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street, New
York, N.Y. 10025, U.S.A.

Сан-Франциско —

Holy Virgin Community, 6254 Geary Bl.
San Francisco, Cal 94121.

ФРАНЦИЯ:

Париж —

Melle N.Semenoff, 1 rue Delaporte, 94700 Maisons-
Alfort, France.

ГЕРМАНИЯ:

Herrn M.Artzimovitsh, Hessenring 105, 638 Bad
Homburg, W. Germany.

Copyright by the Preparatory Committee for the One
Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West
108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США — Американско-русское просветительное Общество «Родина» — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей — Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека — Гарнизон 297 им. ген. Турчинова — Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия — Кадетское Объединение — Комитет защиты гонимых православных христиан — Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе — Конгресс русских американцев — Национальная Организация Витязей — Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) — Национальная Организация Русских Скаутов (НОРС) — Общество «Отрада» — Организация российских юных разведчиков (ОРЮР) — Обще-Монархическое Объединение в Монреале — Общество «Икона» в Париже — Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской — «Православное дело» — Русско-американское просветительное общество в Детройте — Российский Имперский Союз-Орден — Русский центр в Сан-Франциско — Св. Серафимовский Фонд — Св. Троицкий Монастырь — Северо-американский отдел Русского Общевоинского Союза — Ставропигиальный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвиль) — Союз русских инженеров — Союз офицеров Русского Экспедиционного Корпуса — Союз ревнителей памяти Императора Николая II — Российское национальное объединение в Германии — Братство Святого Креста в Австралии — Общество Галлиполийцев в Лос-Анжелесе — Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция — Православный русский очаг в Аргентине — Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США — Фонд Царя-Мученика — Православное братство всех Святых, США — Восточно-Американская и Ньюйоркская Епархия — Владимирское братство, США — «Русский очаг», Аргентина — Союз дворян в Париже.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

ЧЕМ ГРОЗИТ АМЕРИКЕ ПЛОХОЕ ПОНИМАНИЕ РОССИИ

1. Две ошибки о коммунизме

Люди, не безнадёжно ослеплённые своими иллюзиями, сегодня должны признать, что весь Запад каким-то образом попал в критическое и даже смертельно-опасное положение. Можно указать немало частных объяснений этому и отметить те частные этапы за 60 лет, которые привели к сегодняшней ситуации. Но если указывать главную причину, то это: 60-летняя упорная слепота к природе коммунизма.

Я не говорю о тех, кто и по сегодня любит, прославляет и защищает коммунизм. Разумеется — не к ним моя статья. Но есть множество понимающих, что коммунизм — зло, что он опасен миру, — всё ещё не доведавшихся до непримиримости его природы. И такие люди, занимая посты направляющих референтов или ведущих политических деятелей, — допускают сегодня новые, свежие просчёты, — которые неизбежно ответно ударят в будущем и ударят смертельно.

И самые распространённые ошибки здесь две. Одна — непонимание тотальной враждебности коммунизма всему человечеству. Что он — неизлечим,

Эта статья была написана для американского журнала «Foreign Affairs» и появилась в его весеннем номере за 1980 г. (т.58, № 4), на английском языке. Приводим подлинный русский текст.

что у него нет «лучших» вариантов, что он — не может «подобреть», что идеологически он не может прожить без террора. Что поэтому никакое сосуществование с ним на одной планете невозможно; либо он прорастёт человечество как рак и убьёт его; либо человечество должно от него избавиться и то ещё потом с долгим лечением от метастазов.

Вторая ошибка — тоже очень распространённая: мировую болезнь коммунизма неразделимо смешивают с той страной, которой он овладел первой — Россией. Эта ошибка смещает акценты угрозы, все рецепты правильных действий и тем обезоруживает Запад. Это непонимание становится трагичным и угрожает всем народам, причём американскому — никак не позже и не меньше, чем русскому. Не придётся ждать следующих поколений, чтоб нашлось достаточно «благодарных проклинателей» тех, кто внедрил эту ошибку в общественное сознание.

О первой ошибке я много писал и говорил. На Западе немало вызывал этим недоверия, — но, кажется, с годами, по мере обучения реальностью, согласие увеличивается.

Предлагаемая статья посвящена главным образом второй ошибке.

2. Россия и СССР

Прежде всего легкомысленно и неправильно применяют слово «Россия»: его используют вместо слова «СССР», и слово «русские» вместо «советские» — и даже с постоянным эмоциональным преимуществом в пользу второго («русские танки вошли в Прагу», «русский

империализм», «русским нельзя верить», но — «советские космические достижения», «успехи советского балета»). А следует твердо различать, что понятия эти не только противоположны, но *враждебны*. Соотношение между ними такое, как между человеком и его болезнью. Но мы же не смешиваем человека с его болезнью, не называем его именем болезни и не клянем за неё. Государство как действующее целое, страна с её правительством, политикой и армией — с 1917 уже не могут более называться Россией. Слово «русский» неправомерно применять ни к сегодняшней власти в СССР, ни к армии его, ни к будущим военным успехам и оккупационным властям в разных местах мира, хотя они и будут служебно пользоваться русским языком. (Это равно относится и к Китаю, и ко Вьетнаму, только там не возникло своё слово «советский»). Один американский дипломат воскликнул недавно: «Пусть на русском сердце Брежнева работает американский стимулятор!» Ошибка, надо было сказать: «на советском». Не одним происхождением определяется национальность, но душою, но направлением преданности. Сердце Брежнева, попускающего губить свой народ в пользу международных авантур, — не русское. Вся их деятельность по уничтожению народной жизни и загаживанию природы, осквернению национальных святынь и памятников, содержанию народа в голоде и нищете уже 60 лет — показывает, что коммунистические вожди чужды народу и равнодушны к его страданиям. (И лютый красный кхмер; и польский функционер, хотя и взращённый матерью-католичкой; и китайский комсомольский надсмотрщик над голодными кули; и разъеденный Жорж Марше с кремлёвской внешностью — все они ушли от своей национальности, предавшись бесчеловечью).

Слово «Россия» для сегодняшнего дня может быть оставлено только для обозначения угнетённого народа, лишённого возможности действовать как одно целое, для его подавленного национального самосознания, религии, культуры, — и для обозначения его будущего, освобождённого от коммунизма.

Когда в 20-е годы передовое западное общество восхищалось большевизмом, то не путали, так и называли предмет восторга «советским». В трагические годы Второй Мировой войны два понятия в глазах мира как будто слились (об этой жестокой ошибке — ниже). С лет холодной войны старая недоброжелательность восстановилась именно преимущественно к слову «русский». И это даёт себя знать поныне, даже в последние годы появились новые острые обвинения против «русского».

3. Непонимание от науки

Сведения и понимание исторической России и нынешнего СССР американский читатель получает в основном: от американских учёных — историков и славистов; от американских дипломатов; от американских корреспондентов в Москве; от новейших эмигрантов из СССР. (Не упоминаю пропагандистских советских публикаций, которым уже верят меньше, и туристических впечатлений — совсем поверхностных, по искусным приёмам «Интуриста»).

Американская историческая наука, при всей казалось бы незаграждённой ей широте и непредвзятости, но сталкиваясь со скудостью и марксистской деформацией советских источников, часто попадает, сама того не замечая, в принудительное русло, предоставляемое

советской официальной наукой, и, в иллюзии самостоятельного пути, невольно повторяет проблематику, иногда и методологию советской науки и вслед за ней обходит некоторые скрытые, совсем затемнённые области. Достаточный пример: что само существование Архипелага ГУЛага, его нечеловеческая жестокость, его размеры, длительность и объёмы смертности до самого последнего времени не признавались западной наукой. Другой пример: мощные явления стихийного народного сопротивления коммунизму в нашей стране в 1918—1922 совсем не были замечены западной наукой, а в замеченной части объявляются (в лад с коммунистами) «бандитизмом» (например — М.Левин). Что касается общей оценки советской истории, то здесь и по сей день дают себя знать те восторги, с которыми «прогрессивная» европейская общественность встречала «зарю новой жизни» в разгар наших террористических уничтожений 1917—1921. И по сегодня во многих публикациях американских профессоров вы можете встретить в серьёзном употреблении — «идеалы революции», а эти «идеалы» с самого первого шага проявлялись как миллионные убийства. Также и глубинная история России испытала на Западе искажённое влияние страстной радикальной мысли. В последние годы в американской науке заметно господство легчайшего однолинейного пути: неповторимые события XX века — сперва в России, затем и в других странах, объяснить не особенностью нового коммунистического феномена в человеческой истории, — но свести к исконным свойствам русской нации от X и XVI века (взгляд — прямо расистский). События XX века объясняются неосновательными поверхностными аналогиями из прошлых веков. Пока коммунизм был предметом западного восхищения, — он превозносился как несомненная заря

нового века. С тех пор, как пришлось его осудить,— его находчиво объяснили извечным русским рабством.

Такая трактовка имеет много сторонников в нынешнем мире, ибо она выгодна многим: коль скоро коммунизм преступен и порочен не сам по себе, а во всём виноваты традиции старой России, то: нет угрозы основам существования Западного мира; сохраняются обещающие перспективы разрядки, торговли и даже дружбы с коммунистическими странами, всем жителям Запада — продолжение безопасного комфорта; все коммунисты западных стран освобождаются от обвинения и подозрения («у них будет лучше, совсем хороший коммунизм»); и облегчается совесть тех либералов и радикалов, которые отдали в прошлом столько своих восторгов и помощи этому кровавому режиму.

Соответственно, в трактовке прежней русской истории учёные этого направления поступают бесцеремонно. Они допускают весьма произвольный отбор явлений, фактов и лиц, поддаются недостоверным, а то и просто ложным версиям событий, но ещё разительней: почти полностью пренебрегают духовной историей тысячелетней страны, как будто она (приём марксизма) и не имела влияния на течение материальной истории. При изучении китайской, тайландской или любой африканской истории и культуры считается необходимым испытывать уважение к её своеобразию. По отношению же к русскому тысячелетнему восточному христианству западные исследователи во множестве испытывают лишь презрение и удивление: почему этот странный мир, целый материк, всё не принимал западного мировоззрения и всё не шёл по столь явно преимущественному западному социальному

пути? Россия решительно осуждается за всё, в чём она непохожа на Запад.

В длинном ряду выступлений, искажающих облик России, характерна хотя бы книга Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме».* Пайпс вовсе пренебрегает духовной жизнью русского народа и его миропониманием — христианством, рассматривает века русской истории вне зависимости от православия и его деятелей (достаточно сказать: Сергей Радонежский, несравненно повлиявший на века русской духовной и государственной жизни, вообще ни разу не упомянут в книге, а Нил Сорский выставлен в анекдотической роли). То есть вместо показа живого народного существа — анатомируется труп. Самой Церкви Пайпс отводит одну главу, при этом лишь как гражданскому учреждению и трактуя его в духе советской атеистической пропаганды. Этот народ и эта страна представлены как не доразвившиеся до духовной жизни, движимые одними лишь грубыми материальными расчётами от мужика и до царя. Даже внутри тематических разделов нет убедительного последовательного изложения истории: хаотически смешаны исторические эпохи, события разных веков (и часто без указания дат). Автор произвольно игнорирует события, лица и стороны русской жизни, которые мешали бы его концепции: что вся история России никогда не имела другого смысла как создать полицейский строй. Он отбирает только то, что помогает ему дать пренебрежительно-насмешливое и открыто-враждебное описание русской истории и русского народа. Из его книги возможен только один вывод: об античеловеческой сути русской нации, никуда

*Richard Pipes: Russia Under The Old Regime. Charles Scribner's Sons, New York, 1974, 361 pp.

не годившейся все 1000 лет и очевидно безнадёжной для будущей жизни. Даже честь мирового изобретения тоталитаризма Пайпс приписывает императору Николаю I. Не говоря уже о том, что тоталитарный феномен никогда не был осуществлён до Ленина, у г. Пайпса достаточно эрудиции, чтоб он мог указать, что идею тоталитарного государства первый предложил Гоббс в «Левиафане» (глава государства — господин не только над имуществом и жизнью, но и над *совестью* граждан). Да и Руссо давал к тому основания, объявляя демократическое государство «неограниченным сувереном» не только над собственностью, но и над *личностью* граждан.

Меня как писателя, выросшего и всю жизнь проведшего в стихии русского языка и фольклора, особенно поражает такой «научный» приём Пайпса: из 40 тысяч русских пословиц, составляющих в своём единстве и внутренних противоречиях ослепительное художественное и философское создание, Пайпс вырывает (искусственно подобранные Горьким) подходящие ему полдюжины пословиц — и ими «доказывает» жестокую циничную природу русского крестьянства. На меня этот приём производит такое же впечатление, как, вероятно, на ухо Ростроповича произвёл бы волк, севший играть на виолончели.

Все ученые и публицисты этого направления с каким-то тупоумием повторяют из книги в книгу, из статьи в статью два имени: Иоанн Грозный и Пётр I, подразумеваемо или открыто сводя к ним весь смысл русской истории. Но и по 2, и по 3 не менее жестоких короля можно найти и в английской, и во французской, в испанской и в любой другой истории, — однако никто не сводит к ним полноту исторических объяснений. Да

никакие два короля не могут определить историю 1000-летней страны. Однако, рефрен продолжается. Таким приёмом одни учёные хотят показать, что коммунизм только и возможен в странах с «порочной историей», другие — очистить и сам коммунизм, переложив вину за его дурное исполнение на свойства русской нации. Подобный взгляд повторился и в серии недавних статей, посвящённых столетию Сталина, например у профессора Таккера (Robert C. Tucker, New York Times, 21.12.79).

Короткая, но энергичная статья Таккера изумляет: неужели она написана не 25 лет назад? Как же может учёный политик и сегодня настолько не понимать коммунистического феномена? Мы снова встречаем всё те же неувядающие идеалы революции, которые загубил гнусный Сталин, потому что уроки брал не у Маркса, а у гнусной русской истории. Профессор Таккер спешит спасти социализм тем, что Сталин, оказывается, не был настоящим социалистом! — он действовал не по теории Маркса, а по стопам всё тех же настрывших Иоанна Грозного из XVI века и Петра из XVIII. Что будто вся сталинская эпоха есть *радикальный возврат* в прежнюю царскую эпоху, а совсем не последовательное применение марксизма к современным реальным условиям, что Сталин разрушал большевизм (а не продолжал его).

Я, по авторской скромности, не смею просить и надеяться, чтобы проф. Таккер прочёл хотя бы I-й том «Архипелага ГУЛага», а лучше бы все три. Это может быть освежило бы у него в памяти, что коммунистический полицейский аппарат, промолотивший потом 60 миллионов жертв, создали Ленин, Троцкий и Дзержинский, сперва в виде ЧК, имевшей неограниченное право бессудного расстрела неограниченного числа

людей. Что Ленин собственным пером сформулировал 58-ю статью уголовного кодекса, на которой и был основан весь сталинский ГУЛаг. И весь красный террор и миллионные подавления крестьянства сформулированы Лениным и Троцким. Вот э т и инструкции Сталин и выполнял честно, лишь ограниченно по своим умственным возможностям. Единственное, в чём он осмелился отойти от Ленина, — это в том, что стал уничтожать (для укрепления собственной власти) верхушки коммунистической партии. Но и в этом он лишь выполнял всеобщий закон больших кровавых революций: они непременно пожирают своих делателей. В СССР верно говорилось: «Сталин — это Ленин сегодня», и действительно: вся сталинская эпоха есть прямое продолжение ленинской, лишь более зрелое по результатам и длительной плавности развития. Никакого «сталинизма» никогда не существовало ни в теории, ни на практике, ни такого явления, ни такой эры, — это понятие придумала после 1956 левая западная мысль для спасения «идеалов» коммунизма. И только в злом фантазме можно назвать «русским националистом» Сталина, уничтожившего 15 миллионов отборных крестьян, сломавшего хребет русскому крестьянству — то есть, самой России, и положившего свыше 30 миллионов во 2-ю мировую войну, не выбирая экономных методов её ведения, не бережа народных жизней.

И какой же «образец» мог, по Таккеру, увидеть для себя Сталин в прежней царской России? Лагерьей — вообще не было, и понятия даже такого. Отсидочных тюрем — очень мало, и поэтому политические (кроме крайних террористов) и в том числе все большевики посылались в благополучную сытую ссылку на казённом

содержании, где никто не принуждал их к труду,— и откуда все желающие беспрепятственно бежали за границу. Но и уголовная тогдашняя каторга не составляла 1 / 10000 части ГУЛага. Всякое следствие велось в строгой законности по устоявшимся законам, всякий суд — открыт и с участием адвокатуры. Секретная полиция в сумме по всей стране имела штатов меньше, чем сегодня госбезопасность одной Рязанской области, охранные отделения существовали только в трёх столицах и то со слабым надзором, а всякий уехавший за черту этих столиц сразу уходил из-под наблюдения. В армии — вообще не было секретного осведомления и наблюдения (что весьма облегчило февральскую революцию), ибо Николай II считал это оскорблением своей армии. Добавим к этому: отсутствие специальных пограничных войск, пограничных укреплений и полная свобода эмиграции.

Многие западные историки отдаются устойчивой ложной традиции в представлении дореволюционной России, тем отчасти повторяя советскую пропаганду. Россия перед войной 1914 года была страна с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, с заложенными началами рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономность. Многонациональная

Россия не знала национальных депортаций и вооружённого сепаратистского движения. Вся эта картина не только не схожа с коммунистической эпохой, но прямо противоположна ей во всём. Александр I был с войском и в Париже — но не присоединил к России и клочка европейской земли. Советские завоеватели никогда не уходят ниоткуда, где однажды ступила их нога,— и оба феномена признаются одноприродными! Та «плохая» Россия не нависала захватом над Европой, ни тем более Америкой и Африкой. И экспортировала она — хлеб и сливочное масло, а не оружие и не инструкторов терроризма. И сокрушилась-то она из верности западным союзникам, из-за того, что Николай II продолжал бессмысленную войну с Вильгельмом, вместо того чтобы пойти на сепаратный мир (как сегодня Садат) — и спасти свою страну. Недружелюбие к прежней России на Западе было раздуто усилиями русской революционной эмиграции, предложившей самую примитивную схему, движимую их политическими увлечениями,— и никогда не уравновешенную никакими русскими ответами и разъяснениями, ибо в старой России понятия не имели о роли «агитации и пропаганды». И так, например, 9 января 1905 в Петербурге, когда было несчастным образом убито 100 чел. из демонстрации и ни один не арестован, осталось вечным клеймом и характеристикой России, а 17 июня 1953 в Берлине, когда было злоумышленно убито 600 демонстрантов и арестовано 50 тысяч,— не поминается упреком СССР, но скорей ставится в уважение его силе: «надо искать общий язык».

Как-то с веками совсем забылась дружба России с юными, новообразованными Соединёнными Штатами в XVIII веке. С начала XX века в американском обществе

распространилась недружественность к России. Её последствия мы видим и сегодня. Но сегодня они выходят из рамок отдалённых чувствований и грозят привести весь Запад к роковой ошибке.

4. Непонимание от информаторов

После таких коренных ошибок, проявляемых в понимании России и СССР американскими учёными, мы уже меньше удивимся промахам политиков — хотя работников как будто практических, но всегда гсловой под влиянием существующих общих теорий, а руками, сильно скованными обстановкой момента.

Совокупным действием этих причин только и можно объяснить чудовищную резолюцию Конгресса США 17 июля 1959 г. о «порабощённых нациях» (Паблик Лов 86-90, с тех пор возобновляющуюся), где даже отсутствует всеобщий виновник — СССР, где всемирный коммунизм назван русским, России приписано порабощение континентального Китая и Тибета и русским отказано числиться в составе угнетённых наций, к каким причислены несуществующие Идель-Урал и Казакия.

Очевидно пятно непонимания и невежества гораздо шире, чем эта резолюция.

Так и многие действующие или прежде действовавшие дипломаты Соединённых Штатов своими постами и своим авторитетом помогли создать вокруг советского коммунизма опасное горячее облако иллюзий и легковесных расчётов. Такого наследства много оставили дипломаты рузвельтовской школы как Гарриман, до сих пор уверяющий легковерных американцев в миролюбии кремлёвских владык, у которых, мол, только очень ранено сердце болью за свой

советский народ, пострадавший в войне. (Достаточно вспомнить несчастных крымских татар, которых и сегодня не пускают в Крым по той единственной причине, что они стеснили бы охотничьи угодья Брежнева). А на самом деле кремлёвскому руководству народ бесконечно чужд, безразличен, эксплуатируется до полного истощения и вымирания, а когда потребуется — его погонят на уничтожение миллионами без жалости.

Выдающийся вред в конструкцию и направление американской внешней политики годами удавалось вносить и Джорджу Кеннену своими статьями, высказываниями и советами, основанными на глубоком якобы познании советского опыта. Он как раз из упорных создателей мифа о «мягких» членах Политбюро, — которые однако никогда ничем себя не проявили. Он настойчиво советует больше прислушиваться к заявлениям советских руководителей и даже сегодня восклицает: как можно не верить Брежневу, энергично отрицающему агрессивные намерения? Захват Афганистана Кеннен приписывает «скорее защитным импульсам» советского руководства!

Вместо проницательного анализа многим западным дипломатам свойственен неизлечимый самообман, и это видно на таких ветеранах политики, как В.Брандт с его самоубийственной для Германии «Остполитик», — именно такие разрушительные действия увенчиваются нобелевскими премиями мира.

Тут небезынтересно отметить явление, которое я бы назвал «эффектом Киссинджера», но свойственное не ему одному: в период занятия важного поста вести политику уступок и капитуляции, за которую Западу ещё придётся платить в будущем многими годами и жизнями, — но едва уйдя в отставку, вдруг прозревать и начинать давать

самые решительные советы. Отчего это может происходить, как объяснить? Не прозревают же они так внезапно! Не следует ли допустить, что они всё истинно понимали и раньше, но просто плыли в политической рутине, держась за свой пост?

Многолетняя дипломатия умиротворения сводилась неизменно к отдаче всех позиций и укреплению своего противника. Сегодня уже глобально обозрим 35-летний итог совместных усилий всех главных западных дипломатов: они так всемерно укрепили СССР и коммунистический Китай, что лишь идеологическая ссора между этими двумя правительствами (возникшая отнюдь не усилиями Запада) ещё спасает западный мир. То есть, существование Запада уже зависит не собственно от него.

И ещё остались этим дипломатам зыбкие расчёты на мнимый раскол в советском Политбюро между несуществующими там «консервативным и либеральным крыльями», «ястребами и голубями», «правыми и левыми», старыми — молодыми, злыми и добродушными,— последний рубеж банкротов: никогда не содержало в себе Политбюро ни человеческих, ни миролюбивых людей,—такие не могут даже подняться до верху по условиям коммунистической бюрократии, и они тотчас бы задохнулись и умерли там.

Тем не менее и сегодня Америку тешат и успокаивают иллюзиями и мнимыми надеждами. То — надеждами на раскол в Политбюро, и версией, что не Брежнев оккупировал Афганистан! То — иллюзиями лучших экспертов, что «СССР получит свой Вьетнам» — то в Анголе, то в Абиссинии, то в Афганистане. (Можно заверить этих экспертов и их читателей, что сегодняшней СССР способен проглотить ещё 5 таких стран — быстро

и не подавиться), То — новыми и новыми надеждами на «разрядку», несмотря на растоптание очередной страны. (И тут можно успокоить, что «разрядку», какая она была, покупку всего нужного между двумя захватами, советские вожди охотно восстановят и после Афганистана).

Само собой понятно, что из информации, доставляемой такими дипломатами, Америка не почерпнёт понимания СССР и глубины опасности.

Но политики этого рода за последнее время получили подкрепление: фальшивым «объяснением» СССР и России занялась активная группа новейших эмигрантов оттуда. Среди них нет крупных имён, но они быстро признаются тут профессорами и специалистами из России, оттого что быстро ориентируются, какое направление свидетельства желательно. Они настойчивы, громки, повторительны в прессе разных стран, статьями, интервью, уже и книгами — все вместе довольно дружно проводят сходную линию, которую суммарно можно бы обрисовать так: «сотрудничество с коммунистическим правительством СССР — и война русскому национальному самосознанию». Как правило, они, будучи в СССР, служили коммунизму в советских институтах и даже активно и многолетне участвовали в лживой коммунистической печати и никогда не высказывались оппозиционно. Затем они выехали из СССР по израильской визе, но не поехали в Израиль (drop-outs по изр. терминологии), а в странах Запада объявили себя тотчас истолкователями России, её исторического духа и нынешней жизни русского народа (которой они и не наблюдали по своему привилегированному положению в Москве). Самые активные из этих новых информаторов даже не ставят советской системе в

вину уничтожение 60 миллионов, и не ставят в вину её воинствующий атеизм, прощают её тотальное подавление, но возглашают Брежнева «миротворцем» и открыто призывают к максимальной поддержке коммунистического режима в СССР как «наименьшего зла», наилучшей альтернативы для Запада,— и одновременно — обвиняют в таком сотрудничестве русское национальное направление. Смысл духовных течений у нас на родине передаётся Западу превратно. Пытаются вселить в западное общественное мнение — страх и даже ненависть к возрождению почти насмерть подавленного коммунистической властью за 60 лет русского национального самосознания, — искусственно и недобросовестно связывая его с правительственным манёвром антисемитизма. Для этого изображают советский народ поголовным стадом баранов, который никак не способен разобраться в своей 60-летней судьбе, в причине своей нищеты и страданий,— и только ждёт официального объяснения от коммунистических верхов, а они ему подсунут антисемитизм — и народ удовлетворится этим. (На самом деле средний советский человек намного отчётливей понимает античеловеческую природу коммунизма, чем многие публицисты и политики Запада).

Некоторые из этих эмигрантов делают при этом довольно безграмотные экскурсы в историю предыдущих русских веков — как раз прилегая к упомянутой выше близорукой американской школе. Из всего этого ряда можно назвать хотя бы Дм. Симеса или А. Янова — 17 лет кряду верного коммунистического журналиста, никогда не выступавшего против советского режима, а теперь с большой лёгкостью представляющего доверчивому американскому читателю то превратные

картины советской действительности, то произвольно прыгая по поверхности русского прошлого, обходя его устои и раздувая мыльные пузыри. Янов приписывает русскому национальному сознанию почти на соседних страницах одновременно: и мессианизм (бредовая выдумка) и тут же — отрицающий его изоляционизм, в котором видит почему-то угрозу миру.

Поскольку в традиции американской исторической науки уже существует искажённое и недоброжелательное представление о прежней России, — такие семена могут дать ядовитые всходы.

Усилия этих пристрастных информаторов дополняются и подкрепляются за последний год потоком статей американских журналистов, из них часто — московских корреспондентов американских газет. Содержание этих статей всё то же: грозная опасность для Запада возрождения русского национального самосознания, затем — беззастенчивое смешение православия с антисемитизмом (если не прямо пишут, что они тождественны, то назойливо ставят их в смежных фразах и абзацах), и затем ещё одна особая теория: что подымающееся русское религиозно-национальное самосознание и снисходящие прожжённые коммунистические вожди не имеют другой мечты как слиться воедино с некоей «новой правой» — и лишь непонятно, что им все эти годы мешает слиться, чей же запрет? На самом деле религиозные и национальные круги в СССР только преследуются — всеми уголовными методами.

На первый взгляд такое совпадение картины от эмигрантов-информаторов и от свободных американских корреспондентов поражает: коль два независимых источника сообщают одно и то же — значит, что-то есть воистину. Но нало хорошо знать положение всех

западных корреспондентов в СССР: подлинная советская жизнь от них закрыта каменной стеной, особенно провинция и деревня (всякие поездки туда исключительно декоративны, строго обставлены КГБ, а для простых советских людей в провинции разговоры с иностранцами без подстройки КГБ — смертельно опасны). Характерно признание Р.Кайзера, корреспондента «Вашингтон Пост»: прожив в Москве 4 года корреспондентом,— он ни разу ничего не слышал о крупнейшем новочеркасском восстании 1962 года! Источники информации западных корреспондентов: тщательная обработка холостой пустой официальной советской прессы; кулуарное собирание соображений от западных дипломатов (источники совпадают!); затем случайные встречи со второстепенными представителями коммунистической знати (но это — настолько низкий и неискренний человеческий материал, что нельзя рассматривать его серьёзно). А главный источник — беседы с теми немногими москвичами, кто бесповоротно переступил черту запрета близости с западными людьми (а часто — это представители того же столичного круга, из которого уже уехали упомянутые информаторы). Вот они-то и являются главным источником национальной опасности для всего мира. И так анонимная антисемитская листовка в московской подворотне подаётся в западной прессе с обобщающим размахом. Но так и открывается совпадение источников: картина мира строится по отражению её в одном и том же маленьком осколке. В физике это всё называется: систематическая ошибка измерительного прибора.

Если же вдруг информация — иная по направлению, не подходит к тому, что настроена искать сейчас в Москве западная пресса,— то такая информация

попросту гасится, как сделал, например, корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Рэн (Wren), получив большой важности интервью от академика Шафаревича и нигде его не напечатав. Так же точно западные учёные, западные органы печати не принимают в соображение журнал «Вестник Русского Христианского Движения», выходящий уже полвека в Париже и чрезвычайно популярный именно в культурных русских кругах — и при сотрудничестве их. Они узнали бы совсем другую картину, далёкую от рисуемых ужасов.

При такой степени осведомлённости только и может возникнуть перекося, что главная проблема сегодняшнего СССР — это проблема эмиграции. Как вообще проблемы большой страны могут свестись к отъезду из неё кого бы то ни было? То там, то здесь по русской провинции (недавно в Перми) происходят многотысячные голодные рабочие забастовки, разгоняемые оружием, даже с парашютным десантом на заводскую крышу, — но разве у Запада есть внимание это заметить и прореагировать? Так и грандиозный процесс в СССР, губительный для существования русского народа, процесс, уже идущий и рассчитанный лет на 10—15, — процесс окончательного уничтожения русского крестьянства — физического уничтожения изб, деревень, сгона крестьян в многоэтажные посёлки индустриального типа, конца связи с землёю, последнего конца национальных традиций, быта, очевидно — и народного характера, конца русского пейзажа, — этого наступления, которое повели коммунистические убийцы народной души, — скудные информаторы Запада даже *вообще не заметили!* Первая революция (1917—1920) была — зарезать Россию кривым ленинским ножом. Россия всё же осталась жива. Вторая революция (1929—1931) —

раздробить Россию сталинской кувалдой. Россия всё же осталась жива. Наступила третья бесповоротная революция — соскрести Россию с лица земли брежневским бульдозером. И в этот момент смертельного уничтожения русского национального существования — информаторы Запада вопят о самой большой угрозе для всего мира: русского национального сознания...

5. Россия навзничь

Москва — это не Советский Союз. С начала 30-х годов общий жизненный уровень всей Москвы был — за счёт ограбления остального народа и особенно деревни — искусственно поднят по сравнению с прочей страной. (Отчасти в таком положении ещё Ленинград и некоторые закрытые научные посёлки). Таким образом, всё московское население вот уже 50 лет искусственно подкармливается и искусственно поддерживается на ином психологическом уровне, нежели вся остальная ограбленная страна. (Большевики научены уроком февральской революции 1917 в Петрограде). От этого Москва получилась неким уголком, промежуточным между СССР и Западом: она почти настолько же комфортабельнее остального Советского Союза, насколько Запад комфортабельнее Москвы. Но поэтому и все суждения, собранные по московскому опыту, прежде чем быть перенесены на общесоветский опыт, должны быть исправлены большим поправочным коэффициентом. Истинный общесоветский опыт — только в провинции, в деревне, в лагере и в жестокой армии мирного времени.

Сам я все 55 лет своей советской жизни провёл исключительно в глубинном СССР, никогда не имел привилегий столичного жительства, и свой жизненный опыт могу использовать без коэффициента. Я и буду говорить не о Москве, но — о стране.

Прежде всего: западные глаза затуманены ложным газетным представлением, что русские являются «господствующей нацией» в СССР. Они не были ею никогда, — от 1917 и по сегодня. Первые 15 лет советской власти сокрушительный, уничтожительный удар коммунизма пришёлся по русским, украинцам и белорусам (нынешний упадок рождаемости происходит ещё оттуда) — с почти полным истреблением их высших классов, духовенства, культурной традиции, интеллигенции — и питающего слоя крестьянства. Запрещались и проклинались лучшие имена русского прошлого, вся прошлая история покрывалась бранью, церкви уничтожались сплошь, десятками тысяч, города и улицы переименовывались в имена палачей — так, как могут делать только оккупанты. По мере же того, как коммунисты чувствовали себя у власти твёрже, они переносили подобный удар и по остальным национальным республикам, применялся известный принцип Ленина, Гитлера и уголовников: бить врагов поодиночке. И так — «господствующей нации» вообще в СССР не оказалось: коммунистам-интернационалистам никогда не была нужна такая. То обстоятельство, что в качестве государственного языка сохранился русский — чисто-механическое, какой-то один должен был быть. Русский язык только изгажен этим употреблением. От этого русские не почувствовали себя господами: если насилуя женщину, её командуют на её родном языке, — это не значит, что не было акта изнасилования. И то

обстоятельство, что с конца 30-х годов в коммунистическом руководстве стали получать перевес русские и украинцы по происхождению, — никак не сделало эти нации господствующими. Во всём мире (и в Китае, и в Корее) закон таков: люди, отдавшие себя коммунистическому руководству, уходят душой не только от своей нации, — но и от человечества вообще.

Но шерсти можно больше состричь с более крупной овцы, — и так, раскладки экономического гнёта все советские годы были наиболее жестокими по отношению к РСФСР.* К другим национальным республикам экономические приёмы были всё же осторожнее: боялись национальной вспышки. Повсюду введена бесчеловечная колхозная система — но всё же расценка за центнер апельсинов в Грузии была — при меньшей затрате труда — несравненно преимущественней, нежели за центнер русского картофеля. Эксплуатировались беспощадно все — но предельная степень эксплуатации была в РСФСР, и сегодня самая нищая в СССР деревня — русская. Так же и города в русской провинции десятилетиями не знают не только мяса, сливочного масла или яиц, но грезят о простых макаронах или о маргарине.

Такая материальная пропасть существования — и уже полвека! ведёт и приводит к биологическому вырождению нации, к упадку телесному и духовному — тем более усиленному отупляющей политической пропагандой, насильственным отнятием религии,

* РСФСР — официальное название той части страны, которая остается за вычетом 14 окраинных национальных республик.

подавлением независимой культуры, свободой для одного лишь пьянства, двойным трудовым изнеможением женщины (на казённой работе — наравне с мужчиной, и дома без бытовых приборов) и ограблением детского ума. Падение бытовых нравов — жестоко, но не потому, что так плох народ, а потому что коммунисты лишили его пищи физической, пищи духовной — и отстранили всех, кто мог бы оказать духовную помощь, в первую очередь священство.

Русское национальное сознание сегодня — исключительно подавлено и унижено всем произошедшим и происходящим с нами. Это — сознание долго больного и при смерти больного человека, у которого одна только мечта — о покое и выздоровлении. Все помыслы русской семьи в глубине страны неизмеримо скромней и робче, чем можно услышать западному корреспонденту в досужных московских беседах. Все помыслы эти: как-нибудь прекратился бы бесконтрольный произвол местного мелкого коммунистического сатрапа, да удалось бы наесться, да обути детей, да запастись топливом на зиму, да удалось бы иметь хоть по одной комнате на двух человек, да открылась бы церковь ближе, чем 200 километров от их жительства, да не запрещалось бы крестить детей и воспитывать их в добре, да отвлечь отца семейства от пьянства.

И вот эту тягу глубинной России подняться от животного существования к человеческому и вернуть себе элементы религиозно-национального сознания — легкаяязычные быстроязычные современные информаторы Запада называют: русским шовинизмом — и величайшей угрозой современному человечеству, — гораздо большей, чем откормленный дракон коммунизма, уже занесший ракетно-танковую лапу над остатком

нашей планеты. Вот э т и м несчастным людям, этому смертельно-больному народу, беспомощному спасти себя от гибели, приписывают фантастическую идею мессианства и воинствующий национализм!

Пугают — фантомом. «Русским национализмом» клеймят сейчас простое чувство любви к своей родине, естественный патриотизм. Но страну, не знавшую 50 лет простого хлеба,— уже никому не настроить воинствующему национализму. Держать в плену другие народы, держать в капкане Восточную Европу, захватывать и вооружать дальние заморские страны — это нужда злобного Политбюро, а не рядового русского человека. Что же касается «исторического русского мессианизма», то это — сочинённый вздор: за несколько веков никакие духовно-влиятельные или правительственные или интеллигентские слои в России не страдали мессианской болезнью. Да я допустить не могу, чтобы в наше погрязшее время на Земле какой-нибудь народ смел бы считать себя «избранным».

Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150—200 лет выздоровления мирной национальной России. Но такая Россия подсекает коммунистическое безумие. Русское национальное возрождение и освобождение стало бы гибелью советского коммунизма, а за ним и мирового. И советский коммунизм отлично сознаёт, что русское национальное сознание — отменяет его. Для людей, искренно любящих Россию, никакое примирение с коммунизмом никогда не было и не будет возможно. И потому коммунизм наиболее беспощаден был всегда — к христианским деятелям и к национальным. Первые

годы это был сплошной расстрел, потом — гноение в лагерях. Но и по сегодняшний день их продолжают преследовать неотвратно: Владимир Шелков уморён насмерть 25 годами лагерей, 13 лет уже отсидел Огурцов, 12 — Осипов, этой зимой разгромлен совсем аполитичный «Комитет защиты прав верующих», арестованы независимые священники о. Глеб Якунин и о.Димитрий Дудко, пересажены члены христианского семинара Огородникова. Власти и не скрывают, что всей тяжестью своего террористического аппарата они открыто давят христианскую веру. И в этот-то момент, когда религиозные круги в СССР преследуются отъявленно жестоко,— как красиво, как морально слышать поношения православия со стороны западной печати!

Нынешняя антирусская кампания западных информаторов, прорастающая и в центральной американской прессе,— исключительно полезна и спасительна для советского коммунизма, хотя не стану обязательно настаивать, что она вся инспирирована им самим.

Но и, обратно: эта кампания переворачивает для Запада реальность вверх дном, понуждает бояться своего естественного союзника — угнетённый русский народ, а верить своему смертельному врагу — коммунистическому режиму, и слать ему обильную помощь, в которой он так нуждается после полувекowego экономического банкротства.

6. Когда коммунизм едет верхом?

Но и поверженный, разгромленный, ограбленный народ — продолжает физически существовать, и коммунистическая власть — одинаково в СССР, в Китае

или на Кубе — имеет цель заставить его: и безотказно на себя работать и безотказно воевать, когда потребуется. А для войны — в СССР коммунистическая идеология уже давно не тянет, никого она не воодушевляет. Итак, несомненно намерение власти: снова сэксплуатировать ими же угнетённое русское национальное чувство — для своей новой войны, для своих жестоких империалистических целей и тем судорожней и отчаянней, чем больше коммунизм будет идеологически тонуть,— чтобы получить от национальных чувств недостающую себе физическую и духовную крепость. Верно, такая опасность есть.

Упомянутые информаторы — её видят и даже видят только её одну (не истинные поиски национального духа). И в грубом случае за это уже впёред бранят нас шовинистами и фашистами, а в самом предупредительном случае говорят: раз вы видите, что религиозно-национальное возрождение русского народа может быть подло использовано советской властью,— то и откажитесь от возрождения и откажитесь от всяких национальных чаяний.

Но ведь советская власть использует и еврейскую эмиграцию из СССР для успешного разжигания антисемитизма («вот, смотрите, единственные, кому разрешено спасаться из ада, и за это Запад платит товарами»),— следует ли отсюда, что можно дать евреям совет отказаться от поисков своих религиозных и национальных истоков? Конечно, нет. Позволительно нам всем — жить на Земле естественно и стремиться к тому, к чему мы каждый стремимся, без оглядки на то: а кто как об этом подумает, что напишут в газете или какие тёмные силы будут пытаться использовать для себя?

Да зачем говорить всё в предположениях будущего времени? У нас есть недавняя история. В 1918—1922 годах во многих местах России тысячные крестьянские толпы шли с вилами (или даже только с иконами, и эти случаи описаны в литературе) на красные пулемёты как на силу, враждебную своему народному существованию,— и крестьян убивали тысячами же.

А 1941 — 45 годы? Вот когда впервые — в масштабе многомиллионном и полностью на глазах всего мира коммунизм действительно оседлал русский национализм, убийца оседлал полуубитого — и в Америке, и в Англии не только никого это не уstraшило,— но вызвало единодушный восторг всего западного мира, и «России» простили её неблагозвучное название, и всякую недобрую память прошлого, её впервые безоглядно полюбили (парадоксально: когда она перестала быть сама собой),— и ликовали и аплодировали: потому что такое оседлание тогда спасало западный мир от Гитлера. И не упрекали, что это «величайшая опасность», хотя на самом деле это и была величайшая опасность. Тогда Запад даже и мысли не допускал, что у русских могут быть какие-нибудь иные чувства, кроме коммунистических.

А что испытывали тогда подсоветские народы на самом деле? А было вот как. Прогремело 22 июня 1941 года, прослезил батяка Сталин по радио свою потерянную речь,— а всё взрослое трудящееся население (не молодёжь, оболваненная марксизмом) и притом всех основных наций Советского Союза задышало в нетерпеливом ожидании: ну, пришёл конец нашим паразитам! Теперь-то вот скоро освободимся. Кончился проклятый коммунизм! Литва, Латвия, Эстония встречали немцев ликованием. Белоруссия, Западная

Украина, потом первые русские области встречали немцев ликованием. Но нагляднее всех показала настроение народа Красная Армия: на виду у всего мира, на фронте в 2000 километров шириной она откатывалась — хотя пешком, но с автомобильной скоростью. Ничего нельзя придумать убедительнее этого голосования ногами — одних мужчин расцветного боевого возраста. Всё численное превосходство было на стороне Красной Армии, превосходная артиллерия, немало танков, — но армии откатывались неуподобляемо, невиданно для всей русской и всей мировой истории. За короткие первые месяцы в плен сдались около 3 миллионов солдат и офицеров!

Вот было настроение народа (народов), испытавших кто 24 года коммунизма, а кто — даже только 1. Для них весь смысл новейшей войны был — освобождение от коммунистической чумы. Народ, естественно, стремился в первую очередь решить не европейскую задачу, а свою национальную — освободиться от коммунистов.

Видел ли Запад это катастрофическое отступление? Не мог не видеть. Истолковал ли как-нибудь для себя? Нет, ослеплённый своими заботами и своими болями, не истолковал даже и до сегодняшнего дня. А между тем, при бесстрашной преданности принципу *всеобщей*, универсальной свободы он не должен был покупать лендлизом помощь кровавого Сталина, укреплять его господство над народами, ищущими своей свободы. Запад должен был открывать независимый фронт против Гитлера — и сокрушить Гитлера своими *собственными* силами, и эти силы у демократических стран были, но их жалели, и предпочли загородиться несчастными народами СССР.

После 24 лет террора никакими силами, никаким убеждением не удалось бы коммунизму оседлать русский национализм для своего спасения — если бы не оказалось (а под коммунистическим колпаком нет внешней информации, и мы заранее не знали), что с запада на нас катится другая такая же чума да ещё со специальной антинациональной задачей: русский народ частью истребить, а частью обратить в рабов. И первое, что немцы делали: восстанавливали уже разбежавшиеся колхозы для лучшей эксплуатации крестьянства. Так наш народ попал между молотом и наковальней. И из двух лютых врагов пришлось выбирать того, который говорит на твоём языке. Так и произошло оседлание нашего национализма коммунизмом. На несколько лет коммунизм как забыл и оглох к своим лозунгам и теориям, как забыл марксизм, а всё твердил о «славной России» да ещё и восстанавливал Церковь. (Впрочем, лишь до конца войны). Так в этой злополучной войне мы своею победой только укрепили на себе ярмо.

Но кроме того ещё было русское движение, искавшее третий путь: всё же использовать эту войну для освобождения от коммунизма. Они никак не были сторонниками Гитлера, лишь невольно оказались включёнными в систему его империи, внутренне они считали своим союзником только Запад (искренно считали, не лукаво, как коммунисты). Но для Запада всякий, кто хотел бы освободиться от коммунизма в ту войну, — был предатель дела Запада. Пропади хоть все народы Советского Союза и погибни в советских концлагерях сколько угодно миллионов — лишь бы Западу благополучно и побыстрее выйти из этой войны. Так жертвовали сотнями тысяч этих русских, и казаков, и татар, и кавказцев: не разрешили даже сдаться

в плен американцам, а выдали на расстрелы и расправу в СССР.

Но ещё поразительней, что английская и американская армия сдавали коммунистам на расправу — сотни тысяч мирных жителей, обозы стариков, женщин и детей, и просто бывших военнопленных и подневольных рабочих — сдавали не только против их воли, но даже видя тут же их самоубийства.

А английские отряды и сами застреливали, кололи, рубили этих людей, почему-то не желающих возвращаться на свою родину. Однако ещё поразительнее: из тех английских и американских офицеров не только никто никогда не был наказан и не получил упрёка, — но свободная, гордая, ничем не связанная английская и американская печать — почти 30 лет невинно единодушно промолчала об этом предательстве своих правительств — 30 лет не находилось ни одного честного пера! Не этому ли удивиться больше всего? Бесперебойная гласность Запада вдруг в этом случае отказала. Почему?

Тогда казалось: выгоднее заплатить коммунистам каким-то миллионом-другим глупых людей и купить себе вечный мир.

Так же — и бесполезно! — пожертвовали Сталину всю Восточную Европой.

Теперь, через 35 лет, можно подвести итоги этой мудрости: западные страны держатся только на непредвиденной советско-китайской ссоре.

7. Вереница ошибок

Свою эгоистическую и пагубную ошибку во 2-й

мировой войне Запад с тех пор повторял ещё не раз: всей силой желания и мольбы он только хотел бы не противопоставить себя коммунизму! Где можно и где нельзя — он не замечал ни массовых коммунистических убийств, ни коммунистической агрессии. Он быстро прощал и Восточный Берлин (1953), и Будапешт, и Прагу, и спешил поверить в миролюбие северокорейских правителей (они ещё себя покажут), и в благородство северовьетнамских, давал (и даёт) позорно дурачить себя хельсинским соглашением (в уплату признав навсегда все захваты коммунизма в Европе), хватался за миф прогрессивной Кубы (даже Ангола, Абиссиния и Южный Йемен ещё не разубедили сенатора Мак-Гаверна), за спасительность еврокоммунизма, до одурения заседал и верил в издевательские венские переговоры о европейском разоружении и старался 2 года (с апреля 1978) не замечать захвата Афганистана. Историки и потомки будут изумлены, не найдут объяснения такой трусливой слепоте. Только леденящий камбоджийский геноцид распахнул перед Западом всю глубину той смертельной пропасти, привычной для нас, где мы живём уже 60 лет, — но кажется, и тут западная совесть начала уже привыкать и отвлекаться.

А понять бы до конца всем розовым мечтателям, что природа коммунизма — едина во всём мире и во всех странах, и всегда — антинациональна, всегда направлена на убийство того народного тела, в котором он развивается, а затем и на убийство соседних тел. Какие бы иллюзии «разрядки» ни строились, с коммунизмом никогда ни у кого не будет устойчивого мира: коммунизм будет только жадно распространяться. Какой бы спектакль «разрядки» ни разыгрывался, но идеологическую войну коммунизм ведёт с вами всегда и

непрерывно, и вы никогда не называетесь у них иначе, как «врагами». Коммунизм никогда не остановится в своём стремлении захватить мир: прямым ли завоеванием, подрывной ли террористической деятельностью или разложением структуры общества. Вон, ещё свободны Италия, Франция — но уже дали проесть себя сильным коммунистическим партиям. Каждому отдельному человеку и целому обществу, особенно демократическому, свойственно питаться надеждами. Но в отношении коммунизма надеяться не на что: никакого сговора с коммунистической доктриной быть не может, возможны только: или полное торжество во всём мире или полное её крушение повсюду. Единственное спасение и для России, и для Китая, и для всего мира, — чтоб от неё отказались. Иначе весь мир скоро будет подвергнут разорению и уничтожению. Коммунистическая оккупация Восточной Европы и Восточной Азии не прекратится никогда, но в любой момент возможна оккупация Западной Европы и других многих стран. Африканские и южноамериканские возможности коммунизма тоже уже продемонстрированы наглядно, и едва только страна «плохо лежит» — тотчас её захватывают. Конечно, есть надежда и на другой исход: что коммунистические завоеватели в конце концов сорвутся, как и все завоеватели мировой истории. Им кажется, что пришёл час их мирового господства, они рвутся к победе, а на самом деле к своей гибели. Но за эту их гибель в будущей войне человечеству придётся заплатить уже миллиардными жертвами.

Казалось бы, в предвидении этой смертельной угрозы — как должны бы быть направлены усилия американской дипломатии? Единственно к тому, чтоб эти империалистические «всадники» не были так страшны и сильны, чтобы ни в одной стране они не могли

снова оседлать национальных чувств и почерпнуть в них народную силу. Но не только не избирается этот путь — а прямо противоположный.

Американская дипломатия за последние 35 лет производит впечатление неумелой и жалкой. Недавно — бесспорно ведущая держава мира, победительница во Второй Мировой войне, вождь Организации Объединённых Наций — Соединённые Штаты быстро и систематически теряли и свою руководящую роль в ООН (испытывав там множество унижений), и своё решающее влияние на всех континентах (и часто унижительно), и теснились даже в глазах своих западноевропейских союзников, и всё время понижались в соотношении с СССР. (До того, что уже совершаются извинительные сенаторские визиты в Москву: объяснить там, чтоб не сердились на прения в Сенате). Все усилия американской дипломатии были: всячески оттягивать конфликты, хотя бы ценой непрерывного упадка своих сил.

Никак не поняв урока Второй мировой войны, что только совершенно безвыходные, безжалостные обстоятельства могут привести к совместным действиям коммунизма и порабощённой им нации,— Соединённые Штаты держались по отношению к советскому и восточно-европейским правительствам как к лучшим выразителям национальных чаяний захваченных ими народов, почтительно общались с их фальшивыми представителями. То есть они заранее, на будущее, самым неблагоприятным для себя же образом, отказываются от союза с порабощёнными народами и подгоняют их под прочный захват коммунизмом. Они оставляют и русский народ, и китайский народ в отчаянно-безвыходном одиночестве, в котором мы уже побывали в 1941.

В 50-е годы одному нерядовому деятелю русской эмиграции военного времени на его проект организации русских антикоммунистических сил было отвечено видным чиновником американской администрации: «Нам не нужна никакая Россия, ни прошлая, ни будущая!» Чванный, глупый и самоубийственный для Америки ответ. Теперь дела в мире стали так, что без возрождения здоровой национальной России не существовать и Америке — всё будет изничтожено в кровопролитном состязании. В том состязании будет гибель Америки, если она будет соединять в своих представлениях и действиях — коммунистических агрессоров и страдательно завлечённые народы СССР, бороться не против коммунизма, а против «русских», — то есть снова загонит их в ситуацию 1941 года, когда они так же будут порываться освободиться и не находить себе сочувствия.

Сегодня практика американской дипломатии всячески поддерживает эту искусственную губительную сдачу национального самосознания — его владетельному коммунизму. После 35 лет всех своих неудач американская дипломатия теперь взяла новую недалёковидную, неразумную — безумную — ставку: загородиться Китаем, то есть отдать, толкнуть и китайские национальные силы в полное распоряжение своего коммунизма, для чего не жалко показалось внести аванс Тайванем.

Этот поступок (это предательство) — и против китайского национального чувства и против русского национального чувства (Америка открыто поддерживает тоталитарных угнетателей — и готовит их против нас).

Уж не спрашиваю: где тут остатки демократической принципиальности? Где тут уважение к свободе народов?

Но и стратегически — близорукий расчёт: может внезапно произойти и роковое примирение двух коммунизмов — и тогда оба вместе обернутся против Запада. А если и не помирятся, то Китай, вооружённый Америкой, справится и с Америкой.

Стратегическое непонимание, что угнетенные народы — союзники Запада, приводит западные правительства к реальным непоправимым ошибкам. Все годы у них мог быть открытый мост к угнетенным народам — эфир, но его либо вовсе не использовали, либо бездарно. Америка легко могла осуществить телевизионные передачи со спутников, — и еще легче отказалась от этого проекта после гневного протеста советского правительства (оно-то знает, чего боится!). Конечно, это средство требует понимания высоты запросов и мысли того страдающего народа, к которому обращаются. Конечно, не мерзость коммерческих передач была бы нужна — она только оскорбила бы сознание тех голодных народов, это было бы хуже, чем ничего.

Недоброкачественная передача в Америку информации о СССР отзывается роковой разобщающей взаимностью: тем трудней становится и американцам увидеть себя с другой стороны. И, например, русский отдел «Голоса Америки» в большинстве своих передач делает как будто всё, что в его силах, чтоб не привлечь к Америке вдумчивого русского слушателя, но изумлённо оскорбить, ранить и оттолкнуть его от понимания Соединённых Штатов.

Оттого, что Запад получает сведения о СССР в искажённой диспропорции — он и не способен соразмерить и правильно составить со своей стороны радиопередачи на Советский Союз. Многолюдная и

стоящая немалых денег русская секция «Голоса Америки» плохо служит американским интересам, а часто прямо вредит им. Кроме последних известий и самых актуальных политических комментариев многие часы ежедневных передач наполнены пошлой дребеденью, которая вызывает только раздражение голодных угнетённых миллионов слушателей, лишённых прежде всего правды о собственной истории. Вместо того, чтоб доносить им (и многократно повторять по условиям трудного слушания) эту историю и те книги, за которые в СССР преследуют тюремными сроками, вместо того чтобы поддерживать их антикоммунистический дух, укрепляя реальных будущих союзников Америки,— часы радиовещания наполняют ничтожными рассказами о коллекционерах пивных бутылок, о прелестях путешествий на океанских лайнерах (со смакованием: как кормят, какое казино и дискотека), подробностями из жизни американских эстрадных певцов, много о спорте, о котором и без того не запрещается знать жителям СССР, и о джазе, который они беспрепятственно могут ловить со всех иностранных радиостанций. (Не более удачная находка и подробные рассказы евреев, приехавших в США, как они тут живут, устроились и довольны. Так как в СССР все знают, что право выехать есть только у евреев,— эти передачи не способствуют ничему иному, кроме выращивания антисемитизма). Руководители «Голоса Америки» явно имеют всё время в виду — не сердить советское руководство. Поэтому, в детантском усердии, они убирают из передач то, что могло бы раздражить правящих коммунистов. Примеров этой политической угодливости «Голоса Америки» к ЦК КПСС — много, но приведу из собственного опыта, поскольку мне их легче документировать. Из моего заявления об аресте

Гинзбурга 4 февраля 1977 — всего из трёх фраз, цензурой «Голоса Америки» было выброшено две:

«Эта расправа касается западных людей более, чем можно сразу представить. Это — существенное звено в неуклонной тотальной подготовке советского тыла: чтобы он не мешал тому наступлению внешнему, которое так успешно ведётся последние годы, а будет развёрнуто и шире: на силу, дух и само существование Запада».

Моё послание к римским Сахаровским слушаниям того же года было полностью задержано из-за фраз:

«...пожелать, чтобы леденящие рассказы с вашей трибуны нашли бы путь сквозь глухоту благополучия, которое дожидается лишь звука смертной себе трубы, а меньших звуков не слышит. Пробились бы к близорукому сознанию, которое радо потешиться и отдохнуть в змеиных песнях еврокоммунизма».

Политически целомудренный «Голос Америки» не мог допустить, чтоб это слышали люди Востока, да и люди Запада. Но ещё и гораздо хуже того: нередко «Голос Америки» и сам звучит в масть советским властям, а то и прямо по-коммунистически, вполне как радиостанция Москвы.

Недавно, во время болезни Тито было передано: но есть и радостные новости из Югославии — в эти дни болезни вождя тысячи граждан охотно вступают в Союз коммунистов! Ну — буквально то ленинско-сталинское издевательство, которое каждый день гремит из репродукторов над головами советских слушателей. Такая передача может вызвать у них только сомнение в умственных способностях передающих. И даже в религиозные передачи почти не допускаются православ-

ные службы, в которых больше всего нуждаются наши слушатели, лишённые церквей, и даже на этом малом отрезке теснится (как и коммунистами в СССР) само православие — как «религия, не характерная для США». Для Соединённых Штатов пусть не характерная, но она характерна для России! — а передача ведь ведётся на русском языке.

Если ещё к этому добавить, что вещания ведутся языком, который трудно назвать русским: с грубыми грамматическими ошибками, плохим синтаксисом, неверными ударениями, плохой фонетикой, то надо сказать: сделано достаточно много, чтоб отвратить русских слушателей от этой радиостанции.

Так бездарно используется самое могучее средство, которое есть в руках Соединённых Штатов для того, чтоб установить взаимопонимание и даже союз с угнетённым русским народом.

Впрочем, и другие западные радиостанции на русском языке имеют сходные пороки. Так же и Би-Би-Си свойственны предупредительность, чтобы не оскорбить коммунистические вкусы — и поверхностное представление о нынешнем русском народе, оттого неспособность отобрать главное, нужное как хлеб, и многие драгоценные часы вещания забиваются чуждой нам и бесполезной чепухой.

8. Моя попытка «Письма вождям»

Для многонациональной человеческой массы, заключённой сегодня границами Советского Союза, дилемма такова: или кроёжально-империалистическое развитие коммунизма, с захватом множества стран в разных частях планеты,— или отказ от коммунистичес-

кой идеологии и переход на путь умиротворяющий, выздоравливающий, родинолюбивый, заботливый к своим народам.

Для меня, как для русского, мало утешения в надежде, что при первом пути советский коммунизм может быть всё-таки потерпит поражение и какая-то кучка нынешних заправил, кто не успеет сбежать, попадут на вторую Нюрнбергскую скамью. Нет утешения, потому что истинно расплатится за то — обманутый истерзанный народ.

Но как открыть второй путь? Из-под коммунистической диктатуры внутренними силами совершить это чрезвычайно трудно, особенно оттого, что весь остальной мир, в затемнении своего разума, недружелюбно относится к нашим попыткам освобождения из-под коммунизма: в лучшем случае — умыванием рук.

Осознав дилемму, я, в моих слабых силах, 7 лет назад надумал предпринять такое доступное мне действие: написал «Письмо вождям Советского Союза» с призывом к ним — очнуться от коммунистического бреда и позаботиться о своей разорённой стране. Конечно: попытка почти равная полной безнадёжности, но цель моя была по крайней мере: громко поставить этот вопрос и может быть не нынешние вожди, но кто-либо из их преемников прислушается к моим предложениям. В этом «Письме» я попытался сформулировать тот минимум разумной национальной политики, который можно мыслить, не вырывая власти у современных коммунистических властителей как личностей (ибо утопично надеяться, что они отдадут свою личную власть). Я предложил им: отбросить коммунистическую идеологию, хотя бы пока только. (Но

каково им отбрасывать такое оружие, если именно к коммунистическим идеям Запад наиболее податлив?..)

В области *внешней* там было следствие: «не замышлять о судьбах других полушарий», «отказаться от невыполнимых и ненужных задач мирового господства, от Средиземного моря и помощи южно-американским революционерам», оставить в покое Африку, убрать войска из Восточной Европы (то есть все эти марионеточные режимы оставить перед лицом своих народов без советских дивизий), не удерживать насильственно в пределах нашей страны какой-либо окраинной нации — и освободить нашу молодёжь от обязательной всеобщей воинской повинности. «Потребности внутреннего развития несравненно важнее для нас, как народа, чем потребности внешнего расширения силы», — писал я тогда.

Как восприняли эту программу вожди СССР, известно: ухом не повели. Но как восприняла западная и американская печать? Это меня изумило! Как: консерватизм — ретроградство — изоляционизм — и величайшую угрозу всему миру!!! Настолько, значит, угнетено западное сознание несколькими десятилетиями своих капитуляций, что когда Советский Союз, захватив пол-Европы, лезет в Азию и в Африку, — это вызывает у Запада большое уважение: надо не сердить их, надо найти общий язык с этими прогрессивными (спутали с «агрессивными») силами. Когда же я предложил немедленно прекратить агрессию, и даже прекратить думать о ней, и освободить все желающие народы и убрать к своим внутренним задачам, — это было понято и даже крикливо представлено как — реакционность и угрожающий всему миру изоляционизм.

Но надо хотя бы различать: изоляционизм всемирного защитника (Соединённых Штатов) или изоляционизм всемирного нападчика (Советского Союза). Первый — действительно смертельно опасен для всего мира и всеобщего мира, второй — спасителен. Если советские (а теперь и кубинские, и вьетнамские, а завтра китайские) войска перестанут захватывать весь мир и уберутся прочь: кому же это так опасно? Кто бы мне объяснил? — не понимаю по сегодня.

Но я и не предлагал никакого принципиального (культурного или экономического) изоляционизма,— уединиться так, будто на планете никого кроме нас больше нет. Нашей нации — глубоко больному человеку после 60 лет коммунизма и потеряв 60 миллионов человек, это кроме войн,— я предложил то, что единственно можно предложить больному: перестать тратить драгоценные силы на драку и толкотню здоровых людей, но отдаться только своему выздоровлению, но экономить для него каждую крупницу национальных сил: «достало бы нам наших сил, ума и сердца на устройство нашего собственного дома, где уж нам заниматься всею планетой», «физическое и духовное здоровье народа должно стать целью». Я призывал подняться из бытовой и моральной бездны, в которой живёт наш народ, и прежде всего спасти детей от оболванивания идеологией, женщин — от непосильного физического труда, мужчин — от пьянства, природу — от отравы, восстановить совершенно разрушенное семейное воспитание, поднять школу и спасти сам русский язык, губимый коммунистической системой. На всё это и нужно 150 — 200 лет внешнего покоя и терпеливого занятия внутренними проблемами. И кому же это в мире опасно?

Но письмо было — действительно реальным обращением к реальным вождям, держащим в своих руках безмерную власть, и нельзя было не считаться, что самое большее можно ждать от них только уступки, но не капитуляции — ни реальных свободных всеобщих выборов, ни полной, ни частичной смены руководства. Наибольшее, к чему я призывал, — отказаться только от коммунистической идеологии и её самых безжалостных последствий, дать хоть немного распрявиться национальному духу — ибо только национальные характеры во всей истории создавали общества. И со скалы ледящего тоталитаризма я мог предложить только медленный плавный спуск через авторитарную систему (неподготовленному народу с той скалы сразу прыгнуть в демократию — значит расшлѣпаться насмерть в анархическое пятно). И вот этот «авторитаризм» тотчас так же был поставлен мне в вину западной прессой.

Но в «Письме вождям» я тут же оговаривал: «авторитарный строй, основанный на человеколюбии», «авторитарность — с твёрдой реальной законностью, отражающей волю населения», «устойчивый покойный строй, не переходящий в произвол и тиранию», «отказ от негласных судов, от психиатрического насилия, от жестокого мешка лагерей», «допустить все религии без притеснений», «свободное книгопечатание, свободные литература и искусство». Как временную меру по выходу из нашей тюрьмы — я думаю, никто не может предложить ничего более быстрого и спасительного.

Что же касается принципиального выбора или отвержения для России авторитарности в будущем, — я не высказывался по этому поводу, я не имею конечного мнения. Моя критика некоторых сторон демократии

известна. И я не считаю, что осуществлялась воля английского народа, когда Англию годами губило лейбористское правительство, избранное всего лишь 40 процентами избирателей. Или воля немецкого народа, когда левый блок имел в парламенте перевес на 1 место. Или воля всякого народа, когда половина его, разочаровавшись, не является к избирательным урнам. Я не могу отнести к достоинствам демократий их бессилие против малых террористических кучек или расцвета гангстеризма, или безудержной наживы капиталистов в ущерб морали народов. И я напомним, что страшный тоталитаризм, родившийся на Земле, скажем, четырежды, ни один раз не родился из авторитарной системы, но всегда — из слабых демократий: Февральской, Веймарской, итальянской, чанкайшистской. А ведь большей частью государства человеческой истории были авторитарными — а вот тоталитаризма никогда не рождали.

Я никогда не брался и не берусь разбирать этот вопрос теоретически, ибо я — не государствовед и не политик. Я — лишь художник, больно зацепляемый слишком кричащими событиями современности, её общим кризисом. Я думаю, этот вопрос и не может решиться никаким газетно-журнальным спором и никакой скороспелой, даже научной, рекомендацией. Решение может быть получено лишь органическим развитием векового народного опыта и безо всякого насилия со стороны.

Тут я ещё раз напомним о том большом уважении, которое проявляет мировая наука ко всяким особенностям культурного развития даже малых народов Африки или Азии, некоему «локальному комплексу». И призову: не отказать в таком «локальном

комплексе» так же и русскому народу и не диктовать нам хотя бы так же, как не диктуют Африке. Русский народ живёт на земле уже 1100 лет — дольше многих из своих нетерпеливых учителей. И за эти 1100 лет в нём создались и накопились некие свои традиционные общественные понятия, которые не надо спешить осмеивать со стороны. Вот несколько примеров. Традиционное древне-русское понятие п р а в д ы — как справедливости высшей, не юридической, а онтологической, данной от Бога. Общественным идеалом считалось (не значит, что каждый так жил, но идеал был надо всеми): жить праведно, жить моральным уровнем выше, чем всякие возможные требования законов. И пословицы были такие:

Одно слово правды весь мир перевесит.

Не в силе Бог, а в правде.

Коли бы все жили по правде — и законов не надо.

Или ещё: по исконным русским представлениям истина не может быть найдена голосованием, большинство не обязательно лучше видит её. (А по особенностям массовой психологии, скажем — часто и хуже.) И когда для важных решений собирались представители земли («Земские Соборы»), на них не бывало голосований: истина искалась путём долгих взаимных убеждений — и определялась конечным общим согласием. И такое решение Собора юридически не было обязательно для царя, — но морально неизбежно. Судя с таких представлений, создание *партий*, то есть частей, борющихся за свои частные *интересы* за счёт других частей народа, представляется нелепостью. (Да не соответствует достоинству человечества, каким ему пора бы стать). Не случайно могучая власть, перед которой сегодня трепещет вся

свободная планета (и западные свободные вожди, парламентарии и публицисты), за 60 лет ничего так концентрированно, яростно не выжигала в подвластной стране как её мировоззрение — христианство. И — не смогла уничтожить!

А новейшие информаторы Запада спешат уверить, что это нескудеющее христианство и есть величайшая опасность.

9. К пояснению мыслей

Всякое публицистическое выступление неизбежно влечет за собой много откликов — большей частью рассудительных, добросовестных, но зато искажительные всегда крикливы, лезут в истерические заголовки, стараются запасть в людскую память, даже берут и верх. По роду своей жизни, работы и принципам поведения, я обычно никак не откликаюсь на весь этот ворох. Но коль скоро сейчас я уже высказываюсь по существенным вопросам, решусь очень коротко отозваться на некоторые искажения.

По поводу «Письма вождям» и дальше по другим поводам меня часто упрекали, что я — сторонник теократического государства, прямого управления государством религиозными лидерами. Это — ложь, ничего подобного никогда мною не сказано, не написано. Практическая государственная деятельность никак не из области религии. Но я считаю, что в государстве религия должна быть не только не гонима, а занимать достойное духовновлиятельное место — как например, в Польше, в Израиле, и никто этого не осуждает, — не понимаю, почему же это запрещается России, которая за 1000 лет вынесла свою веру и за 60 лет выстрадала её смертями миллионов мирян и десятков тысяч священников?

Тогда же обвиняли меня, что я предлагаю какой-то общий «путь назад» — надо совсем считать человека идиотом, чтобы приписывать ему движение против хода времени. Будто бы я предлагаю будущей России «отказаться от современной технологии» — ещё одна лжишка: я предлагал технологию «современную, но дробную, а не гигантскую».

Какой путь я действительно предлагаю — я закончил этим гарвардскую речь и могу повторить: *путь вверх*. Я считаю, что роскошно-материальный XX век слишком передержал нас в полуживотном состоянии — кого от избытка, кого от голода.

Гарвардская речь вознаградила меня потоком сочувственных откликов простых американцев (кое-кому из них удалось напечататься и в газетах), поэтому я спокойно относился к потоку упрёков, который сыпала на меня рассерженная пресса (я ждал от неё большей восприимчивости к критике): фанатик; одержимый; расколотый разум; циник; мстительный поджигатель войны; наконец и просто: «убирайся вон из страны!» (изящное применение принципа свободы слова, чем это отличается от Советов?). Возмущались, как я смею употреблять «наша страна» по отношению к той, которая меня изгнала, — да дело в том, что не родина меня изгнала, а коммунистическое правительство. Р.Пайпс написал: «Свобода слова, которая так неприятна Солженицыну». Я думаю, он достаточно грамотен по-английски, чтобы прочесть, как было сказано: не свобода слова, а только безответственное аморальное злоупотребление ею.

А самое распространённое обвинение было: будто я «призываю Запад идти освобождать» наш народ от коммунистов. Это — совершенное нежелание читать и понимать текст добросовестно. Не только в гарвардской

речи, но и никогда прежде я не призывал ни к чему подобному и даже за все годы моей публичной деятельности не обратился за помощью ни к одному Западному правительству, ни к одному западному парламенту. Я всегда говорил: мы освободимся — сами, это — *наша* задача, как бы она ни была трудна, а к Западу только одна просьба и один совет. Просьба: пожалуйста, не заталкивайте нас под диктатуру, не предавайте нас миллионами, как поступили в 1945, и не укрепляйте наших угнетателей вашими техническими средствами. И совет: в вашем безграничном отступлении — поберегите сами себя, не отступайте в ту последнюю яму, из которой вам уже нельзя будет выбраться.

Ещё притворилась часть прессы после Гарварда: как это я защищаю «право не знать» (обычно обрывали цитату: «не забивать своей божественной души сплетнями, суесловием, праздной чепухой»)? В обрыве — уже и ответ. Упрекают: и это Солженицын, который в СССР добивался права *знать*. Да, я добивался права всему миру знать: об Архипелаге ГУЛаге, о народном сопротивлении, о миллионах умерших, о голоде 1933 года и предательстве 1945. Но нас, проживших суровые годы, оскорбляет получать от прессы подробности, что у бывшего британского премьера оперировано не что-нибудь, а именно яичко, и какое одеяло у Жаклин Кеннеди и какой напиток предпочитает певица дешёвых песен.

А серьезное непонимание вышло в том месте, где я сказал, что смертно давящая жизнь Востока выработала характеры более глубокие, чем регламентированная жизнь Запада. Некоторые недоумели: так что это значит:

коммунизм — хорош? духовное превосходство советской системы? О нет, конечно! А только древняя истина: что силу человеческому характеру придают страдания и испытания. О, конечно, множество людей у нас там, в вечной гонке нищеты и под гнётом,— растоптано, принижено, искажено или отвлечено от человеческого облика. Но открытое давление зла не так коварно растлевает людей, как его привлекательное вползание: под прямым гнётом рождается и противоположный процесс — душевного подъёма и даже взлёта. На наших лицах почти нет церемонийных улыбок, но у нас больше друг другу поддержки — не юридической, когда жертва не списывается с налогов, такой и системы не существует. Наша атмосфера там — риск не ради себя, и мне лично приходилось наблюдать такое же преобразование и некоторых западных людей, когда они долго действовали в советских условиях. Один американский читатель опубликовал, что предлагал своим дочерям по 100 долларов за прочтение II тома Архипелага — и дочери отказались. А у нас его читают под страхом сесть в тюрьму. Да сравните двух юношей: трусливый террорист в Западной Европе, выходящий с бомбой против мирных людей и демократического правительства,— или инакомыслящий в Восточной Европе, выходящий с голой грудью против Дракона? Молодые американцы, неохотные к воинской повинности, или молодые советские солдаты, отказавшиеся стрелять в повстанцев (Берлина, Будапешта, Афганистана) и тут же за это расстрелянные (и знали, что будут расстреляны!) Я не вижу никакого спасения человечеству, кроме самоограничения каждого человека и каждого народа. И в этом — дух идущего сейчас в России религиозного национального возрождения. И я изложил это в качестве своей основной

программы в статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», 5 лет назад изданной в Америке.* Эту статью мои оппоненты почему-то избегают и вспоминать и цитировать.

Недавно «Нью-Йорк ревью оф Букс» дала крупный зловещий заголовок «Опасность национализма Солженицына». Но ни у неё, ни у её информаторов не достало ума указать в самой статье, обнимаемой заголовком: в чём же эта опасность? Что ж, я возьмусь помочь им цитатами из напечатанного мной.

(из «Письма вождям»):

«Я желаю добра всем народам, и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас находятся, — тем более горячо».

«Щемящее чувство вызывают и рядовые китайцы, потому что они будут самыми беспомощными жертвами той войны».

(из «Раскаяния и самоограничения»):

«Нам придется найти в себе решимость на признание грехов *внешних*, перед другими народами».

«По отношению ко всем окраинным и заокраинным народам, насильственно втянутым в нашу орбиту, только тогда чистó окажется наше раскаяние, если мы дадим им подлинную волю самим решать свою судьбу».

«Как нельзя построить хорошего общества при дурных отношениях между людьми, так и хорошего человечества не будет при дурных, затаённо-мстительных отношениях наций. Между государствами принять индивидуальную мораль: не делай другому, чего не хотел бы себе».

* Сб. «Из-под глыб» Америк. издание — «From Under The Rubble», 1975.

Вот в чём опасность «национализма Солженицына». Вот в чём мировая угроза русского религиозно-национального возрождения.

10. На предпоследнем рубеже

Но и после Афганистана, как и после Чехословакии, Анголы или любого следующего советского захвата, — ах, как хочется всё-таки верить в разрядку! Да неужели же она кончена?...«Да ведь советские руководители не отказались от неё! — об этом ясно заявил Брежнев, об этом писала «Правда» (Маршал Шульман, никогда не теряющий оптимизма о коммунистическом руководстве, и другие эксперты в том же духе).

О, конечно же, советские руководители готовы продолжать детант, отчего же? Тот самый детант, в котором благодушествовал Запад, пока Камбоджу вымаривали миллионами в джунглях. Тот самый детант, которому радовался Запад, когда в афганской деревне (да не одной же такой!) расстреливали тысячу мужчин от 12-летних мальчиков — и мы, русские, сразу узнаём этот случай — это по-советски! так убивали и нас с 1918 года! Советскому коммунизму еще очень пригодится детант: додушить последнее инакомыслие в стране и докупить недостающее электронное оборудование.

Запад просто не хочет поверить, что пришло время жертв, Запад просто не готов к жертвам. Даже пожертвовать выгодами торговли не способны торгующие до самого пушечного залпа: разум отказывает им понять, что их барыши не достанутся их детям, что сегодняшние мнимые выгоды скоро отзовутся полным разорением. Между западными союзниками идёт лавирование, как бы каждому жертвовать меньше

другого. Всё это — от жира благополучия, провозглашённого целью жизни и заменившего высокий дух и высокое мировоззрение, растерянное Западом.

Коммунизма нельзя остановить никакими уловками детанта, никакими переговорами — его может остановить только внешняя сила или развал изнутри. Гладкое лёгкое многолетнее шествие западного отступления должно было кончиться когда-то — и вот оно кончается: пусть не последний рубеж, но уже предпоследний. Не защитив дальних границ, придётся защищать ближние. Уже сегодня весь Запад под опасностью бóльшей, чем нависала в 1939 году.

Сегодня было бы непоправимо для всего мира, если бы Америка сосчитала пекинское руководство своим союзником, а русский народ своим врагом вместе с коммунизмом: она затолкала бы в эту пасть оба великих народа, но и туда же бы упала сама. Она отняла бы у обоих великих народов последнюю надежду на освобождение. Неутомимые обвинители России и русского забывают сверить стрелки часов: все ошибки Америки в понимании России могли быть академичными, но лишь до сегодняшнего динамического момента.

Накануне планетарной битвы между мировым коммунизмом и мировой человечностью хотя бы ясно видел Запад, где враги человечности и где друзья её,— и не искал бы союза врагов, но искал бы союза друзей. Так много уже уступлено, отдано и расторгнуто, что сегодня Запад уже не может устоять даже при единении всех западных государств,— а лишь в союзе с порабощёнными народами коммунистических стран.

ЧТО ЗНАЧИТ МИФ О РОССИИ

Сказать теперь, что не русские виноваты в том, что получилось в России, и еще тем более, что Россия никогда никого не угнетала, а еще тем более, что Русская страна — богоносная и народ ее — богоносец — сразу же вызвать вспышку раздражения и негодования.

О России кем-то создан специальный миф. Миф зловердный, клеветнический, с определенной целью.

И этот миф не так легко рассеять.

Приведут, так сказать, факты, ничем не опровержимые.

Более того, скажут, что именно богоносность России — это миф, созданный Достоевским и другими, и пора с ним кончать. Вот его уже развенчивает русский писатель Солженицын, об этом открыто заявил в иностранной прессе русский, православный священник А.Шмеман.

К чему же вы ломитесь в открытые ворота?

И все-таки я буду ломиться! Потому что ворота не открыты, а крепко заколочены.

То, что Россия богоносная страна,— это не миф, а миф — это сам тот, кто считает это мифом.

В России случилась величайшая трагедия, Россия возведена на крест, распята... Уничтожена вековая русская культура, лучшие русские люди, русская святыня опозорена...

И вот это первое, что дает мне право сказать о богоносности России.

Значит, Россия потому и богоносна, что это в ней случилось. Запад не богоносен, потому он и процветает. Но процветание его — это зеленеющие листья, корни уже сгнили и дерево скоро засохнет.

Я как-то видел одну иностранку (из Америки), которая в умилении восклицала:

— Вы, русские,— все святые. Посмотришь, как вы тянетесь в храм Божий, как терпеливо выстаиваете длинные службы — всё сразу станет понятно. У нас в Америке этого не бывает. Для святыни отводят минуты, а всё направлено для благ земных, для комфорта.

Рассказывали мне, как один католик, увидев молящихся людей в русском храме, воскликнул:

— В России храмы наполнены одними святыми.

И в самом деле. Чего только не нужно преодолеть, чтоб пойти в храм помолиться. Какая нужна самоотверженность и решительность!

Конечно, мифисты сразу же заметят: молящиеся эти невежественны, суеверны, они ничего не знают...

Да, мифисты судят по внешности. Чтобы судить судом праведным, нужно заглянуть поглубже, самому быть глубоким человеком. Способны ли на это мифисты? Не способны ли они только клеветать?

И на Россию и русский народ клеветают...

Когда возводился Христос на крест, на Него клеветали всякие фарисеи. Более того, из числа даже Его учеников многие смалодушествовали.

Увидеть, что наступил самый ответственный момент, немногие могли, только один сотник, бия себя в грудь, воскликнул:

— Истинно Он был Сын Божий.

Неужели сейчас, в наше время, нет такого сотника, который воскликнул бы:

— Истинно Россия — богоносная страна.

И нужно удивляться тому, как Солженицын, выпив из чаши народного горя, проболевший одной болью с народом, мог написать так, что дал повод Шмеману заговорить о том, что Солженицын развенчивает миф о России, о богоносности русского народа.

Достоевский, выпив чашу народного горя, поварившись в котле с отбросом народным, пришел к выводу о богоносности.

В чем тут дело? Почему два русских писателя с одинаковой судьбой противоречат друг другу?

Почему, наконец, совсем нерусский писатель, француз, католик Мориак сказал, что если он и видит свет, то только из России?

Я — сын крестьянина, испытывавший все ужасы коллективизации, перенесший голод и войну (участвовал на фронте), испытывавший «прелести» лагерной жизни, видевший человека не каков он есть в нормальных условиях, а каков он есть, когда срываются маски, пришел к выводу, что русский человек особый, особый даже в своем преступлении.

Там, в котле лагерной жизни, все национальности (а там были все) быстро опускались до скотского состояния, но сущность в том, что русский и смотрел на это, как оно есть, и жалел об этом, а другие, сами же скоты, обвиняли в скотстве только русских, смотрели на них с презрением и считали себя выше их. Вот эта их горделивость и самомнение и не дает им увидеть богоносности русского народа.

Неужели это так трудно увидеть, что в России сейчас происходит что-то особое, даже безбожники в России, как бы ни отрицали Бога, на словах или на деле, выполняют черновую работу богоносности.

Русские не виноваты в том, что произошло в России, они оказались только Голгофской жертвой. Не Россия кого-то угнетала, а Россия постоянно заботилась о ком-то, оттого и сейчас, в силу этой привычной жертвенности, мы помогаем всем (пусть по другим мотивам) и за это же терпим ненависть.

Вот еще признак богоносности. Только богоносный за свое добро получает зло, не богоносного хвалят за добро, ему ставят памятники.

Россия воскреснет, и из России воссияет свет на весь мир. В России найдет могилу то, что, начавшись на Западе, перекинулось в Россию. После русской трагедии никто уже не посмеет зло называть добром, все поймут, в чем истинное добро.

А пока идет распятие. Глумятся собравшиеся у креста, смеются над Россией, пророчат ей гибель, но уже начинают показываться лучи воскресения...

И вот пока еще не показались, как следует, эти лучи воскресения, станем с вами где-либо в стороне и подумаем о сущности русского народа, по каким все-таки признакам мы узнаем его богоносность.

Достоевский выставляет такие признаки: первый — это смирение, второй — покаяние.

Да, только смиренный может носить Бога в сердце, ибо, как сказано: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

Смирение русских прежде всего заключается в том, что они свое зло не признают добром.

Покаяние настолько глубоко вошло в душу русского человека, что без покаяния его и представить себе нельзя.

Ни один русский не говорил о своем грехе, как о чем-то, чем можно гордиться. «Какие мы теперь люди», — слышится вздох. Пьяницы плачут о своем грехе.

Покаянный вздох — это как бы дыхание русского человека.

Я знаю, что мне могут заметить. Это ханжество: тут же каяться и тут же обижать, обманывать, грабить. Кстати приведу стихи Блока: «Грешить бесстыдно, непробудно...»

Да, скажу и я им. Вы как будто правы. Могу даже добавить, что и смирение русских — не смирение, а раболепие. Русский народ и рабовладелец к тому еще, угнетает другие народности. Хотя, впрочем, почему-то рабовладелец живет хуже угнетенных, материально...

И всё-таки это неправда. Это полуправда, а может быть, четверть правды, а может быть ее никакой здесь нет.

Для того, чтобы видеть правду, недостаточно быть реалистом, который не видит дальше своего носа, нужно заглянуть глубже, в душу. То, что сразу показывается, — это не характерное: на поверхность, как известно, выбивается всякая пена.

То, что вам показалось, — это именно показалось. Русские не таковы. Опять скажут: Так в чем же тут дело, почему вы нагоняете всякого туману? Покажите же в конце концов эти богоносные признаки русского народа, как следует...

И вы, наверно, догадываетесь, что я вам скажу: показать это нельзя.

То, что можно показать,— это будет показное. Если вы не видите сами, то недостаток не в русских, а в вас.

Смирение и покаяние русского народа надо увидеть. И увидеть, может быть, лучше всего тогда, когда откроется самая темная и мрачная сторона русских. Вот пришел же Достоевский к заключению о богоносности русского народа, увидев мертвый дом, где было всё живое погребено.

Мне сейчас вспоминается разговор с А.Э.Красновым после того, как он, одиннадцать месяцев пробыв под следствием, был выпущен на небольшое время на свободу.

— Ничего не сделали с русским народом,— говорил он. — Он остался такой же. Такой же щедрый, добрый. И Бог ему нужен, как никому. Когда я рассказывал в камере о том, как мучили Христа, бандиты плакали. Сами убивающие людей над муками Христа плакали.

А это воскликнул не совсем русский, он наполовину еврей. Вспоминается мне и моя лагерная жизнь.

Мы всегда себя чувствовали лучше, когда нас, заключенных, вел русский конвой. Даже украинцы, те же русские, если конвоировали, были жестокими.

— Понятно! — слышу вновь возражение. — Это от разболтанности. Украинцы лучше русских, они строже выполняют свои обязанности...

Вот тут-то всё и дело.

Не богоносный старается буквально исполнить, ему прежде всего нужен закон. Русский видит прежде всего человека, и исполнение у него закона не ради закона, а

ради человека. Не человек для субботы, а суббота для человека.

Я даже видел в заключении такого конвоира из русских, который, приведя заключенных на работу, ставил винтовку в сторону, подзывал к себе заключенных и дружественно говорил:

— Закүривайте, братцы... — другого он не в состоянии был там предложить.

А как была тогда дорога папироска, а самое главное, каким голосом все было сказано...

Потом его отстранили, потом совсем посадили...

Это, скажут, единичные случаи. А сколько русские издевались. Чего, мол, только ни делали, когда ворвались в Германию, как насиловали и убивали мирных жителей!

Было это, любит гульнуть русский человек, широка его натура, надо бы сузить, как сказал Достоевский.

Не будем приводить фактов, что делали у нас немцы, скажем только:

— И всё-таки это на поверхности.

О народе нужно судить не по тому, что лежит на поверхности, не по его преступлению, а по его добру.

Какое же, однако, добро?!

Мне снова вспоминается лагерь.

Кто мог делиться там последними крохами, кроме как русские? Даже блатные, отбросы общества, делились последним. А другие национальности очень скупο делились. Поделиться последним и не ожидать, когда возблагодарят тебя за это, вот это и есть признак богоносного народа. Могли, конечно, в конце концов и поделиться и другие, но они и смотрели, чтоб за добро им

обязательно отплатили добром. А так вот ни с того, ни с сего сделать добро, наверно, способен только русский.

Но я знаю, всем, что я говорю, не убедить того, кто не хочет убеждаться.

Пожалуй, мне сразу поставят в вину: что бы вы ни говорили о русском народе, а вот он сделал такую революцию, которая теперь стала мировым горем.

Революция — сложная вещь, скажу я, а еще сложнее, кто и как ее делал.

Идеи революции, согласитесь, родились не на русской земле, они перекинулись к нам с Запада. Запад всегда бунтует, оттого и теперь там постоянные забастовки за материальные блага. Русские, если и делали революцию, то не за материальные блага, они видели в этом борьбу за справедливость... А может быть, всё произошло потому, чтоб все мерзкое выхлестнулось из русской души и душа бы очистилась...

То, что могло оказаться гибельным для других, для русских может быть спасительным. Оттого такой сейчас интерес к религиозным вопросам в России и есть. Всех заинтересовала религия. Религия — первостепенная важность стала в России. И не для русских только, а для всех — в силу того, что они живут на русской земле. Для России религия — органическое явление.

Вот тут-то и выявляется по-настоящему смирение и покаяние русского народа. Оттого с таким смирением и покаянием он выпивает чашу невиданного горя. Евреи вот завопили на весь мир, что их здесь распинают и гонят, бегут в Израиль. А русские уж сколько ни пили горя, не жалуются. Может быть, и некому нам жаловаться. Ибо мало кто способен понять нас.

Впрочем, видел я одного иностранца в лагере,

который в горе настолько привязался к русским, что во всем старался подражать им и очень хотел, чтоб его считали русским. Прощается он как-то со мной и говорит:

— Давай мы с тобой поцелуемся трижды по русскому обычаю...

Хочу обратить внимание на слово: «трижды» — это ведь в знак святой Троицы.

— Где он сейчас? Спасибо ему за такое понимание русского народа. Добрый Эрих Оскарович, спасибо тебе!

Он был из немцев, и это поразительно,— из тех, кто нападал на Россию и страдал в лагере от русских. И вдруг такое понимание...

А чего только не претерпели русские. Начиная с Царя и кончая последним Крестьянином. Замученные, расстрелянные, затравленные. Умершие от голода и холода. Число их же весть Бог.

Неужели это ничего не значит?

Неужели всё значат формы, законы? Законы и пророки ведь на любви держатся, сказал Христос.

А любовь — не умение показать себя, быть вежливым и культурным. Любовь это — смиренно и кротко принять муки, сознать свой грех, заплакать слезами разбойника. О, какие это глубокие слезы!

Вот она в чем выражается, богоносность!

Только богоносному достается такая доля.

На этом я хочу замолчать, став в молитвенном настроении над могилой всех замученных русских людей.

Бог видит, что кому дать.

Я счастлив, что живу на русской земле!

ЧТО ПРОИЗОШЛО С ОТЦОМ ДМИТРИЕМ?

Отец Дмитрий Дудко был арестован, спустя полгода выступил по Московскому телевидению с удивившими нас заявлениями, был освобождён и вернулся домой...

Всё удивительно, необыденно, требует знать несравненно больше, чем мы обо всём происшедшем знаем...

Мы всегда будем помнить его слова, под знаком которых будет проходить наш Четвёртый съезд православной русской общественности в США: «Православие и Россия — вот то, на чём я стою. Россия не как государство просто, а Россия как почва для Православия. Сказать «Православие» — это всё равно для меня, что сказать Россия».

Что бы с ним ни делали, что бы с ним ни делалось, что бы он ни делал, это не может перечеркнуть написанное и сказанное им за эти годы.

Да будет же с ним милость и помощь Господня.

Протоиерей А.Киселёв

РУССКОЕ ДЕЛО

ОБЩЕЕ НАЧЕРТАНИЕ

В 1909 г. был издан сборник ВЕХИ. Среди сотрудников было несколько бывших марксистов: Струве, Бердяев, Булгаков, Франк. Они, интеллигенты, сурово осудили русскую интеллигенцию. За что? За атеизм, материализм, утопизм, невежество, безответственную болтовню, непонимание народа, революционные иллюзии. Также за отсутствие правового сознания (Кистяковский) и за отщепенство от государства (Струве). При этом, они хорошо знали все достоинства интеллигенции: честность, жертвенность и идейность. Позднее, уже в эмиграции, Г.П. Федотов рядом с идейностью отметил другой существенный признак радикальной интеллигенции: беспочвенность. Идеи, пусть и ложные, — явление со знаком плюса, но беспочвенность нечто отрицательное, т.е. непрактичность и отсюда безответственность.

ВЕХИ никакого настоящего воздействия на русское общество не произвели. Но не замечательно ли, что лет через пятьдесят, их опять читают-обсуждают в СССР.

Одновременно с ВЕХАМИ и даже несколько раньше, начиная с 1907 года, произошли сдвиги среди образованной молодежи того времени. Значительно поблек ореол революции, и это заметил Ленин, писавший, что в современной России уже нет революционной ситуации. Возникли новые интересы: увлечение спортом, скаутизмом, сокольством, воздухо-

плаванием, техникой в широком смысле, русской стариной, искусством. Отметим и национализм, но без шовинизма. Были и срывы: арцыбатовщина или просто хулиганство.

В год издания ВЕХ вышел новый аполитичный журнал искусства и литературы АПОЛЛОН. В нем большую роль играли т.н. акмеисты. Их метр Гумилев не был выдающимся поэтом, но он, несомненно, выражал новые настроения образованной молодежи, чуждой радикализма. Гумилева и его читателей уже нельзя называть интеллигентами в прежнем, специфическом русском значении этого обозначения. АПОЛЛОН ставил не на революцию, а на культуру.

В 90-х и 900-х г.г. появились символисты. Отчасти под влиянием Вл.Соловьева возникло т.н. религиозное сознание. Началось т.н. богоискательство. Символисты искали Бога в смутных своих «чаяниях» — в мечтаниях о соловьевской Софии, обернувшейся в поэзии Блока Прекрасной Дамой, позднее двусмысленной Незнакомкой и далее — нищей Россией. Символисты изготавливали ядовитый коктейль из религиозных ересей, лирических настроений с добавкой революционных мечтаний. Радикальная интеллигенция приняла их в штыки, осыпала насмешками, но, по существу, большинство символистов и богоискателей оставались типичными русскими интеллигентами и многие из них были близки эсерам. Всё же, символисты сдвинули русскую мысль с мертвой точки материализма, позитивизма и внесли новый трепет в русскую поэзию. Но намечавшуюся новую Россию в эпоху ВЕХ, АПОЛЛОНА они не поняли и характерно то, что Мережковский резко осудил веховцев. При этом, символизм не вызвал широкого резонанса в русском обществе: средний читатель их с

трудом понимал. Да и ВЕХИ или АПОЛЛОН были не по зубам большинству образованной молодежи, появившейся после Пятого года. Но настроения новой культурной элиты в какой-то мере совпадали с настроениями скаутов, спортсменов, авиаторов, автомобилистов или инженеров, техников и разных «практиков». Это поколение могло бы обрадовать уже скончавшегося Менделеева: оно на самом деле хотело разрабатывать неисчислимые богатства, о которых великий ученый писал в книге К ПОЗНАНИЮ РОССИИ.

Жаль, что не произошло смычки между нарождающимся новым образованным обществом — интеллигентным не на старо-интеллигентский лад, и великой империей, которую строил реформатор Столыпин.

То, что уже строилось и, вместе с тем, всё лучшее в старой России, было уничтожено большевиками, но, может быть, хотя и не в близком будущем, творческое русское дело продолжится.

Возврата к прошлому нет. Нужно пристально изучать Россию последнего предреволюционного десятилетия (1907-1917г.г.)

Ленин, несомненно, был русским интеллигентом — пусть и отступником. Но он выбросил-уничтожил одну из лучших ценностей русской интеллигенции: свободу.

Парадокс: именно свободолюбие Керенского, который вопреки советам более проницательной «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской, не решился разделаться с большевиками, погубило февральскую интеллигентскую Россию. Это свободы не опорачивает, но учит тому, что в трагические моменты истории можно и должно, для избежания нового рабства, защищать свободу насильем.

Сталин — полуинтеллигент, уничтожив троцкистов и т.н. правую оппозицию, он ввел в компартию других, послушных ему полуинтеллигентов — беззастенчивых карьеристов и палачей. С их помощью он создал в России новое крепостное право в тоталитарном государстве, которое называет себя социалистическим. Но в современной России нет ни коммунизма, ни социализма, а есть государственный капитализм, не допускающий никакой конкуренции и, поэтому, не могущий удовлетворить потребительский рынок. Этот капиталист — СССР, под видом развития тяжелой промышленности, более или менее удачно крепит мощь агрессивно-империалистического государства.

В данной политической ситуации свергнуть большевиков невозможно. Но из этого не следует, что надо сидеть сложа руки. Сахаров и его друзья мужественно и иногда успешно борются за права человека. Диссиденты героически протестуют.

Необходимо еще то, что в старину называли истинным просвещением. В компартии доминируют исключительно полуинтеллигенты, но их немало и среди оппозиционеров. В этом не их вина. Советская школа, включая высшие учебные заведения, дает известные знания, но не вводит в настоящую культуру, не признает свободную дискуссию и исключает религию. Нужно, прежде всего, опять достигнуть гуманистического уровня образованного русского общества, возникшего между 1907-1917 г.г. Это уже многими осознается и что-то в этом направлении делается.

В текущем десятилетии, в наши 70-ые г.г., нашумел т.н. новый авангард, который с западной точки зрения скорее можно назвать арьергардом. Художники и писатели часто повторяют зады дадаистов, сюрреали-

стов, экспрессионистов, «конкретников» или же отталкиваясь от обереутов 30-х годов, наследников русских футуристов. Среди них немало талантов. Но есть и возрожденная арцыбатовщина 10-х годов, приправленная фрейдизмом и разными новыми модами. Маразм этих наглых «бедных людей» не имеет будущего.

Но рядом с Третьей волной, захватившей и честных диссидентов и распущенных авангардистов, незаметно подымается «Четвертая волна» — аполитичная по своему поведению, но внутренне резко отталкивающаяся от советского строя и советского быта — это «культурники», новые интеллектуалы. Это — целый ряд выдающихся ученых. Они не только эрудиты: их труды отмечены широким пониманием культуры во всех аспектах. Имена их известны, но незачем их называть. Это новые гуманисты. Среди Четвертых (назовем их так) немало молодых людей разной степени образованности, и с жадной жаждой настоящего знания. Все они, но по-разному, отталкиваются от эпохи ВЕХ, АПОЛЛОНА, акмеизма и проявляют интерес к литературе и философии 1-ой и 2-ой эмиграции.

Кое-кто возмутился. Кому нужны эти «культурники»? Их еще могут обвинить в каком-то соглашательстве с властью. Или — обвинить в бегстве от действительности. Это не так. Эти новые кадры свободных культурных людей выводят из мглы казенщины и собирают камни прошлого, годные для строительства новой культуры, для русского дела. Для многих из них краеугольный камень — Православие. Они верят, что живая истина Христа раскрылась в Церкви, но иногда резко критикуют инертность духовенства в синодальную эпоху, да и в наше время врата адовы не одолеют Церковь, но ответственность за Октябрь лежит и на духовенстве,

которое крестило вотяков и вогулов, но не вело активную борьбу с атеизмом или агностицизмом не одной только интеллигенции. Безверие заразило и многих консерваторов, ходивших в церковь по долгу службы или для соблюдения приличия. К. Леонтьев чтит оптинских старцев, но сетовал: они молятся, но не знают опасности крамолы и не помышляют о том, что нужно крестить крещеных... Они сознают: атеизм был вызван отчасти тем, что духовенство на Западе и в России не умело успешно проповедовать на современном языке. Они также знают, помнят слова Вл. Соловьева: в уничтожении пыток, жестоких казней, отмене рабства деятельное участие принимали неверующие. Помнят они и о том, что наряду с гуманными атеистами в XX веке получили власть атеисты-палачи. Если христиане разных вероисповеданий не возродятся духовно — ничего хорошего в будущем нельзя ждать.

Православие просияло святыми, раскрылось Отцами Церкви и было переведено на современный язык Достоевским, а в начале нашего века христианскими философами «нового религиозного сознания» еще на Философских собраниях в Петербурге. Назовем Тернавцева, Лосского, Франка или Карсавина, а в эмиграции о. Георгия Флеровского, также и не вполне ортодоксальных о. С.Булгакова, Бердяева, о. Павла Флоренского. Русское студенческое христианское движение за рубежом сумело подойти к молодежи и, может быть, еще послужит образцом для такого же движения в России.

Строительство новой православной России, может быть яснее всего намечено Г.П. Федотовым в его философии культуры — в особенности в сборнике **НОВЫЙ ГРАД** и в журнале того же наименования, в

котором принимали участие И.И.Бунаков-Фондаминский и замученная нацистами мать Мария (Скобцова). Для Федотова *культура* — прежде всего *школа* мысли христианского гуманизма, который восходит к Отцам Церкви, к учению о Богочеловечестве, к путям обожения (теосиса) человека и мира.

Русская светская гуманистическая культура наметилась в журнале АПОЛЛОН. Его сотрудники-поэты — Гумилев и, в особенности, Ахматова, Мандельштам пришли к христианству (уже после революции). Не были они двусмысленными апокалиптиками, как символисты, и верили в осмысленность человеческого труда и творчества. Осип Мандельштам впитал в себя христианскую Европу. Пришлось ему взойти на Голгофу, но и там он не изменял пасхальной и литургической радости бытия:

И Евхаристия как вечный полдень длится,
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.

На этой уже подготовленной *почве*, и по новому, можно делать и Православное дело и вдохновляемое им Русское дело, и уже теперь, во все еще поработанной России, и оно уже исподволь делается. Явился новый исповедник — мученик о. Дмитрий Дудко и растет, мужает новое поколение богословов, философов, литературных критиков, знатоков искусства и образованных русских людей нового христианского сознания. Дай Бог нам всем отпраздновать день тысячелетия Крещения Руси в освобожденной России.

По письмам и сообщениям из России.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ

К двадцатилетию со дня смерти

Андрей Владимирович Звенигородский происходил из старинного княжеского рода. К началу 20 века это была уже обедневшая семья. Жили они в небольшом имении Нижегородской губернии, близ города Ардатова. Любопытно, что крестьяне в революцию 1918 года не тронули ни имения, ни кого-либо из членов семьи Звенигородских. Они сами перебрались в Москву лишь в 1926 году в поисках заработка: уж очень одолела их нищета. Впоследствии Андрей Владимирович нам рассказывал, что крестьяне не только не обижали их, но даже всегда почтительно с ними раскланивались. Да это и не удивительно. Благородный облик Андрея Владимировича, в соединении с простотой, скромностью, благодушием и приветливостью сразу же располагал к нему людей.

Муж мой познакомился с ним в 1936 году, у своих друзей-писателей. Вскорости Андрей Владимирович стал бывать и у нас, расположившись дружески к нашей семье. И мы с радостью встречали его. Был он высокого роста, худощав, ходил прихрамывая, опираясь на палку: одна нога у него была короче другой (башмак на ней был ортопедический). Сделался он калекой ещё в детстве, когда учился в пансионе: так пострадал он вследствие жестокости сотоварищей, решивших посмеяться над мальчиком, столь непохожим на всех: сосредоточенным, скромным, молчаливым, погруженным в свои мысли. Накрыв его одеялом, они поколотили его, поранив ногу.

Некоторые из писателей — Иван Катаев, Николай Зарудин*, Борис Пастернак — старались помочь и поддержать бедствующего Андрея Владимировича, доставали ему работу в издательствах, давали ему на рецензии рукописи на исторические и литературные темы. Вероятно Осип Мандельштам тоже знал Андрея Владимировича, он посвятил ему шуточное стихотворение:

Звенигородский князь в четырнадцатом веке
В один присест съел семьдесят блинов,
А бедный князь Андрей и ныне нездоров.
Нам не уйти от прашуров опеки!***

Андрей Владимирович был разносторонне образованным человеком, прекрасно знал и любил историю, особенно русскую, сам преподавал некогда этот предмет. Познания его в области литературы также были обширны. Поэзия была его стихией. Он и сам писал лирические стихи, весьма оригинальные и самобытные. Любя поэзию, он старался внушить и другим эту любовь. Так, обычно перед уходом, он прочитывал моим детям какое-либо стихотворение Пушкина, Тютчева или Фета и велел им к следующему его приходу выучить это стихотворение наизусть. У них и сейчас в памяти его посещения и прочитывание им стихотворений.

Его кумиром был Фет. «Только ему одному я прощаю его неверие в Христа и Святую Церковь», — говорил он. С Фетом его сближало преклонение перед Шопен-

*Иван Иванович Катаев (1902-1939) и Николай Николаевич Зарудин (1899-1937). Оба принадлежали к литературной группе «Перевал» и по данным Краткой Советской Энциклопедии были «незаконно репрессированы», (т.е. расстреляны) и «посмертно реабилитированы».

***Осип Мандельштам. Собрание сочинений. I. (1967). стр. 300.

гауэром. «Божественный Шопенгауэр!» — часто восклицал Андрей Владимирович.

Он детски радовался, когда узнавал, что кто-то любит историю и читает с интересом классические труды по истории. Так, однажды, когда ему рассказали, что один юноша прочитал все 12 томов «Истории государства Российского» Карамзина, он воскликнул: «Как же он обогатился!» И потом ближе уже познакомившись с этим юношей и узнав о его углублённых занятиях русской историей, он писал о нём одному писателю: «Он страстно любит и знает наше историческое прошлое... Таких молодых людей уже больше нет — они перевелись».

Часто посещая нас, Андрей Владимирович приглашал к себе и нас. Жил он вместе с сёстрами в сырой и неудобной комнате. И единственно, что скрашивало его существование — любимые книги, с которыми он не расставался до смерти. Помню на его полках старые издания Карамзина, Батюшкова, Жуковского в кожаных переплётах, Чаадаева, Тютчева, Фета, Н.Н. Страхова, К. Леонтьева, В. Розанова, с которым был знаком и очень его любил. В студенческие годы Андрея Владимировича связывали дружеские отношения с рано умершим философом Владимиром Эрном. Помню, он показывал нам письма Эрна в маленьких конвертах. На книжной полке стояли в тёмных переплётах тома «Русского архива» первых лет издания (1863-1871 гг.), а также Шатобриана на французском языке.

Если по каким-либо причинам не удавалось встретиться с ним, мы получали от него письма. Некоторые сохранились у нас. Так в одном из них стояла только одна фраза: «Когда же?» Он любил выражаться кратко. «Я — лаконик», часто говорил он.

Андрей Владимирович был истинно верующим, глубоко религиозным человеком. Разумеется, поэтому он и в литературе, и в истории всегда выделял эти моменты. Помню, как часто он повторял фразу Шатобриана: «*Sans religion il n'est pas le genie*». Посмеивался над актрисой Яблочкиной, которая в ознаменование своего 90-летнего юбилея исполняла на сцене одну из своих ролей: «Молиться надо, а она...» Не помню точно дальнейших его слов.

*

Андрею Владимировичу очень хотелось стать членом Союза писателей. Причина была одна: получать на старости лет больше пенсию, ведь он очень бедствовал всю жизнь. Однако вступить в Союз писателей было нелегко, так как он мало печатался, и у него не было отдельных книг. Но расположение к нему многих писателей помогло. Ему посодействовали такие видные писатели, как Всеволод Иванов, Николай Ашукин, Ефим Добин, С.Н. Дурылин. Хлопотал о нём и мой покойный муж. Незадолго до смерти его приняли в Союз писателей.*

*Любопытен эпизод, происшедший при приёме Андрея Владимировича в члены Союза Писателей. Поэт Лев Ошанин, известный своей приверженностью (око и ухо партии) прочитав его стихи, спросил: «А злободневных политических стихов у вас нет?» Андрей Владимирович ответил: «Поэзия и политика несовместимы, так же, как гений и злодейство». Ошанин цинически расхохотался и сказал: «Здесь с открытым забралом не выступают». Однако в Союз писателей его всё-таки приняли: времена были довольно либеральные. Прошёл уже XX-й Съезд партии и ошеломлённые писатели слушали доклад Хрущёва с разоблачением Сталинских злодеяний.

Добрая душа Андрея Владимировича страдала, когда он видел какие-нибудь раздоры между близкими ему людьми, и он всячески стремился помирить людей, сблизить их. Вот был такой случай у меня на памяти. Покойный муж мой был в близких и дружеских отношениях с Василием Семёновичем Гроссманом.* Они часто встречались. И вдруг разошлись по какому-то вопросу. Из-за пустяка разгорелась вражда. Слово за слово, и вот они уже не встречаются. Андрей Владимирович — вне себя. Он любил их обоих и всё стремился их помирить. И так усердно хлопотал возле них, что, наконец, преуспел в своих стараниях. Друзья помирились. Андрей Владимирович был счастлив и сиял, глядя, как они по-прежнему дружески беседуют. А я, смотря на просветлённое лицо Андрея Владимировича, думала: «Как к нему приложимы слова Спасителя: «Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся».

Мало кто знал, что Андрей Владимирович был князем. Но вот, когда мы хоронили его, то, при отпевании в храме Ваганьковского кладбища, дьякон провозгласил: «Об упокоении *болярина* Андрея».

И примиренные «болярином Андреем» друзья — Вас. Гроссман и мой покойный муж стояли возле его гроба.

А.Д.

15 января 1980 г. (Москва)

В дополнение к посланному ранее посылаю фотографии. На одной князь А.В. Звенигородский снят с Борисом Пастернаком в Переделкине (Пастернак в светлом пальто).

* Василий Семёнович Гроссман (1905-1964). Его роман «За правое дело» (О Второй Мировой войне) вызвал полемику в СССР, а повесть «Всё течёт...» была запрещена и издана на Западе.

Князь А.В.Звенигородский

Борис Пастернак (справа) и князь А.В.Звенигородский

Кн. Звенигородский был женат, но детей у него не было. Не знаю, есть ли другие князья Звенигородские. Помню его после войны, начиная с 1948—49 г. Запомнились его разговоры с отцом. Они часто говорили о Греции и радовались тому, что эта страна была спасена от коммунизма благодаря помощи Америки.

А.В. заходил приблизительно раз в месяц, хотя ему трудно было с больной ногой взбираться к нам на шестой этаж (лифта не было). К его следующему приходу я должен был выучивать наизусть стихотворение Фета или Тютчева (его кумира). И сейчас слышу его голос, читающий тютчевскую *«Весеннюю грозу»*:

Ты скажешь — ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь на землю пролила.

Но в те годы я увлекался футболом и не всегда выучивал заданные к его приходу стихи. Тогда я убегал на двор, где завязывалась очередная футбольная схватка. А А.В. футбол казался бессмысленной тратой времени. В поощрении спортивных состязаний он видел сознательно проводимую политику отупления молодёжи. Однажды, сидя у нас на кухне, где находился репродуктор радио, он с каким-то мистическим ужасом и, вместе с тем, как-то задумчиво и даже жалобно повторял слова диктора: «одно очко!» Вся фраза звучала примерно так: «Футбольная команда опередила соперника на одно очко» — с каким торжеством и упоением произнёс её диктор! А А.В. как будто хотел сказать: как можно, не сходя с ума, променять всё — отечество, религию, поэзию, культуру, всю тысячелетнюю историю — на эту игру в мяч, на пустую забаву? И что же на другой чаше весов — всего одно очко! Г.П.

Федотов утверждал, что спорт станет уделом нового рыцарства, — пока что его предвидение не оправдывается. На первом месте не честь, а реклама и делечество.

А.Н.

16 марта 1980 г. Москва.

СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ ЗВЕНИГОРОДСКОГО

РОССИЯ

Безумная беспечность
На все четыре стороны.
Равнина. Бесконечность.
Кричат зловеще вороны.
Разгул. Пожары. Скрытность.
Тупое безразличие.
И всюду самобытность.
И жуткое величие.

Нижний Новгород. 1916.

За старым садом золотой песок
На дне оврага вешними ручьями
Размытого. Цветистыми слоями
Лежат руслу здесь камни поперёк.
И много здесь прошло оречьих ног,
Шуршал песок под нашими шагами —
Как вдруг любовь нас обвила крылами —
И в первый раз тебя обнять я мог.

Ардатов, 1926.

ЗНОЙ

Не ноги чувствуешь, а вянущие плети.
Стучит в виски великая жара.
Бык роет землю. Жалит мошकारа.
В пруду купаются бесчисленные дети.
Собаки спрятались, обезумев, под клетки.
Как в лишаях, спалённые бугры.
Летит корова, хвост задрал, с горы,
А солнце гонит вас сквозь огненные сети.
Ардатов, 1926.

Безмолвие. Над чащами кружит
Высоко коршун. У сторожки лыки
Стоят шатрами. Запах земляники
По всем полянам буйственно разлит.
Безумно солнце копьями звенит,
Как будто отражает чьи-то рати,
А на глухой, заросшей мхами гати
Семья ужей, в клубки свернувшись, спит.
Ардатов, 1926.

Уж почки лопнули и зеленеет лист.
Каким-то веет светозарным раем
С полей. Скворцов, снующих по деревьям, свист
В прозрачном воздухе неумолкаем.
На острой травке, тонкой, как игла,
Желтеют колокольчики-малютки.
В поднёбесьи на север мчатся утки,
И выгнали сегодня стадо из села.
Ардатов, 1926.

ПИСЬМО ДУРЫЛИНА

Дорогой Андрей Владимирович! Я читал и перечитывал Ваши стихи, думал и раздумывал над ними, я испытывал и гордость, и радость воспоминаний — своих, чужих, далёких, близких, — я словно допивал последние остатки влаги из старинного драгоценного кубка...

Вот это чувство:

Ещё одно *последнее* сказанье.

или:

Ещё один, *последний* глоток старого доброго вина, — вот это чувство разлуки, — окончательной, безысходной, невозвратной разлуки с прошлым, со старыми преданьями жизни и природы, — вот это горестное и тёрпкое чувство последних хмельных осенних дней перед суровой трезвой зимой — охватывает и того, кто читает Ваши стихи, и кто сам когда-то испытал и хмель, и горечь, и радугу, и тучи отжитой жизни, — радугу, возносившую мечту высоко в небо, тучи, низко бороздившие хмурое небо над выпаханной землёй, над вырубленными лесами, над обмелевшими реками.

Для Вашей книги одно название: *Эпитафия*, — или другое, русское: «Отжитое».

У Вас, как у поэта, большие, славные предки: Фет, Тютчев, — и те, что поближе: Случевский, Бунин. Вы их наследник, введённый в наследство Музой.

Вы — реалист, но реализм Ваш — это тот редчайший и немногим доступный реализм, о котором сказано, что он ведёт *a realibus ad realiora*.

Ваши *realia* суровы, просты, строго верны жизни и действительности, а Ваши *realiora* — возвышенны и прекрасны.

Не то, что мните вы, природа —

Не слепок, не бездушный лик...

Эти слова Тютчева, как и слова Фета

Но для него туда навек закрыта дверь,

Где радость теплится страданья...

Вспоминаются при чтении Ваших стихов: «радость страданья» Вам близка, а природа для Вас — не «слепок», а живое бытие.

Вы — истинный лирик, — и от Ваших стихов

Душа стесняется лирическим волнением...

Ваш язык — это действительно «великий» и подлинно «свободный» русский язык, о котором писал Тургенев и который живет где-то под шапкой-невидимкой.

Как хороши Ваши стихи своей то теплотой, то холодной правдой, своей мудрой простотой, своей совершенной искренностью — как просты, крепки они своим непоказным мастерством.

И как хорошо, что читаешь их в тетради; переписанные рукой их написавшего — они радуют своей неприкосновенностью, своей недоступностью «гордому взору иноплеменному», — чужому, праздному взору.

Это «последние цветы» той русской поэзии, которую возвращали Тютчев, Фет, Полонский, — а Вы знаете:

Цветы последние милей

Роскошных первенцев полей.

Они унылые мечтанья

Живее пробуждают в нас:

Так иногда разлуки час

Живее самого свиданья.*

* Стихотворение А.С. Пушкина (1825 г.)

«Разлуки час» — разлуки с заглохшими просёлочными дорогами, соловьями в ивовых кустах, с липовыми аллеями, старыми песнями, с забытыми преданьями, — этот «разлуки час» и есть и содержание, и музыка и правда Вашей книжки стихов. А этот «разлуки час» — по слову великого поэта, — «живее самого свиданья».

Ваш Дурылин.*

Мы охотно помещаем эти присланные из Москвы страницы в память о поэте князе А.Звенигородском, одном из тех, кто в обстановке надругательства над душой и историей великого народа оставался его живой памятью и старался помогать молодёжи сохранять любовь к подлинным и непреходящим ценностям национальной культуры.(Ред.)

* Дата этого письма не установлена. Сергей Николаевич Дурылин (1877—1954). Знаток литературы, театра, живописи. Опубликовал очерк К. Леонтьева «Моя литературная судьба» (*Литературное Наследство* 1935). О нём, эстетике и иерее, писал Ф.А. Степун (*Бывшее и несбывшееся* II, 271-2). Впоследствии отказался от священства.

РОССИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

Быстрое развитие России в последние годы прошлого века и в первое десятилетие нынешнего — тема для эмиграции не новая. И до Второй мировой войны, и после неё в эмигрантской печати не раз публиковались об этом подробные сведения. Но все эти публикации остались разбросанными по разным, большей частью не сохраняющимся, периодическим изданиям и при надобности найти их не легко. Поэтому ещё одна публикация сведений об этом периоде, надо полагать, не будет лишней*.

Тем более трудно найти сведения о быстром развитии России перед революцией в Советском Союзе, где эти данные часто утаиваются, либо фальсифицируются так, чтобы люди из простого сравнения не могли увидеть правду о недавнем прошлом и о бедственном состоянии будто бы цветущего «социалистического хозяйства», которое, по обильным обещаниям его устроителей, давно должно было бы привести страну к полному материальному благополучию.

Вопреки этим обещаниям, вождям «построения социализма» в короткий срок удалось ввергнуть страну в хроническую и неизбывную нужду во всём. Наиболее наглядно это видно из совершенного ими «экономического чуда» (со знаком минус): Россия, из крупнейших в мире экспортёров сельскохозяйственной продукции — хлеба,

* Все данные в этой статье взяты из брошюры «Царствование императора Николая II, 1894—1917». Она вышла в Нью-Йорке в 1959 году, составлена Б.Л. Бразоль.

масла, мяса, яиц и т.д., переодетая в рублище СССР, всего за два десятилетия превратилась в отсталую страну, вынужденную покупать хлеб и другое продовольствие за границей.

Приведём цифры:

ТАБЛИЦА № 1

Сбор урожая в России	1892 г.	2050млн.пуд.	1913 г.	4761млн.пуд.
Средн. урожай десятины	1892 г.	33 пуда	1913 г.	58 пуд.
Количество скота:				
лошадей	1885 г.	26,6 млн.гол.	1914 г.	37,5 млн.гол.
рогатый скот	1885 г.	31,6 млн.гол.	1914 г.	52 млн.гол.
Хлопок:				
посев	1894 г.	150 тыс. дес.	1914 г.	675 тыс. дес.
сбор	1894 г.	3,2 млн. пуд.	1914 г.	15,6 млн.пуд.
Сахар:				
посевы свеклы	1894 г.	289 тыс. дес.	1914 г.	721 тыс. дес.
произв. сахара	1894 г.	30 млн. пуд.	1914 г.	104,5млн.пуд.
Производство с.х.				
машин	1897 г.	9 млн. руб.	1913 г.	76 млн. руб.

Стоит добавить, что в 1913 году в России было собрано зерновых на одну треть больше, чем в Аргентине, Соединенных Штатах Америки и Канаде вместе взятых, — в странах, где вожди «построения коммунистического общества» теперь лихорадочно скупают недостающий угнетаемой ими стране хлеб. Добавим кроме того, что к 1914 году больше 80% пахотной земли в России уже принадлежало крестьянам и это прежде всего они производили огромное количество хлеба и других продуктов. Остатки помещичьих земель, которые когда-то производили основную массу товарного зерна в России, к этому

времени играли лишь второстепенную, вспомогательную роль; помещичье хозяйство, естественно, без насилия и миллионных человеческих жертв уступало место постепенно складывавшемуся в деревне наиболее производительному фермерскому хозяйству. А коммунисты тем временем продолжали изображать положение в деревне, — и до сих пор предлагают видеть его таким, — по литературным произведениям времен крепостного права (по «Антону Горемыке» Григоровича и другим таким же тенденциозным рассказам).

Известно, что волнения в феврале 1917 года в Петрограде, приведшие к февральской революции, возникли из-за продовольственных затруднений в столице, — в то же время хлеба в России было с избытком. В Западной Сибири по несколько лет стояли огромные стога необмолоченного хлеба, — затруднения с продовольствием в столице объяснялись перегруженностью транспорта, занятого перевозками для огромного фронта, для десятимиллионной армии, снабжение которой всем необходимым было первоочередной задачей.

О промышленном развитии России в тот период общее (не только русских, но и иностранцев) мнение таково, что оно шло более быстрым темпом, чем развитие в те годы в Америке и Европе. Приведём несколько цифр:

ТАБЛИЦА № 2

Добыча каменн. угля	1895 г.	466 млн. пуд.	1914 г.	1983 млн. пуд.
Добыча нефти	1895 г.	338 млн. пуд.	1914 г.	560 млн. пуд.
Выплавка меди	1895 г.	395 тыс. пуд.	1915 г.	1878 тыс. пуд.
Выплавка чугуна	1895 г.	73 млн. пуд.	1914 г.	254 млн. пуд.
Железо и сталь	1895 г.	70 млн. пуд.	1914 г.	229 млн. пуд.

Как видим, менее, чем за 20 лет производство основной промышленной продукции и топлива увеличилось в 2—3 раза — и это без какого-либо сверхнапряжения и тем более без человеческих жертв, которые без счёта несли на алтарь своей «социалистической индустриализации» вожди КПСС. И если бы не война, перешедшая затем в революцию, Россия продолжала бы своё промышленное развитие тем же высоким темпом. Ленин с его подручными пришёл не на голое место: в России уже была немалая промышленность, были отличные инженеры, кадры квалифицированных рабочих, — армия инженеров и квалифицированных рабочих подготавливалась в новых технологических институтах и училищах тоже быстрым темпом. Установив свою диктатуру, «строители социализма» никогда не могли потом развивать нашу промышленность не только так же быстро, но и безболезненно и с той же эффективностью, что до революции.

Забота о социальной справедливости

Работа на фабриках и заводах, на шахтах, транспорте и других видах деятельности мало чем отличалась от работы в других странах, можно сказать, и по степени эксплуатации. Всё же в России раньше, чем в других странах, стали заботиться об ограждении трудящихся от хищнической эксплуатации. Так, впервые в мире, ещё в XVIII веке, в царствование Екатерины Великой, в России были приняты законы о запрещении ночного труда женщин и детей и установлен на заводах десятичасовой рабочий день. Между прочим, этот закон, напечатанный для ознакомления иностранцев и на французском языке во Франции и Англии был запрещен для опубликования: там его считали слишком крамольным.

В начале нынешнего века царское правительство издало законы об обеспечении безопасности труда рабочих в горнозаводской промышленности, на железных дорогах и в особо опасных для жизни и здоровья трудящихся предприятиях. Детский труд до 12-летнего возраста был запрещён; несовершеннолетние и женщины не допускались к работе между 9 часами вечера и 5 часами утра.

Размер штрафов не мог превышать одной трети заработка, причём штрафы должны были утверждаться фабрично-заводской инспекцией (учреждённой во второй половине прошлого века). Взысканные штрафы зачислялись в особый фонд для оплаты мер по улучшению бытовых условий рабочих. В 1903 году на заводах и фабриках были введены старосты, избиравшиеся рабочими цехов и следившие за соблюдением условий работы. В 1906 году был издан закон о праве создания рабочих союзов, — начало последующих профессиональных союзов трудящихся. В 1912 году было введено социальное страхование. Все эти установления, по тому времени, были настолько передовыми, что тогдашний президент США Тафт в 1912 году публично сказал представителям России: «Ваш император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким не может похвалиться ни одно демократическое государство».

Образование

Общее развитие страны требовало и быстрого роста грамотности, и увеличения числа хорошо подготовленных специалистов. В этой области тоже были достигнуты большие успехи. Вот несколько цифр:

ТАБЛИЦА № 3

Бюджет министерства народного просвещения	1894 год 25,2 млн. руб.	1914 год 161,2 млн. руб.
Учащихся в начальн. школах	3.275.362 чел.	6.416.247 чел.
В средних школах	224.179 чел.	733.367 чел.
В высших учебн. заведениях	13.944 чел.	89.027 чел.

Общий бюджет народного просвещения (включая расходы на школы местного самоуправления — земств, городов и специальные) в 1913 году достиг 500 миллионов рублей.

С 1908 года начальное образование, бесплатное, было объявлено обязательным, — после этого каждый год открывалось около 10 тысяч новых школ. Успехи в этой области были таковы, что к 1917 году около 80% молодёжи, от 12 до 16 лет, умели читать и писать.

По числу женщин, учившихся в высших учебных заведениях, Россия занимала тогда первое место в Европе.

Заметим ещё, что если в Америке и в большинстве стран Европы за ученье в высших учебных заведениях взималась и взимается довольно большая плата, в России в интересующий нас период студенты платили всего от 50 до 150 рублей в год, причём неимущие обычно от платы освобождались.

Благодаря всем этим условиям Россия быстро уходила от времён, когда её население с тем или иным основанием считалось тёмным и в преобладающей части неграмотным.

Богатство страны

Ещё недавно было принято считать, в большей мере под влиянием революционной пропаганды, что дореволюционная Россия была бедной, малоразвитой страной, с почти сплошь неграмотным и едва ли не нищенствующим населением. Эталоном вех этих характеристик обычно служила жизнь в странах центральной и западной Европы, где из-за несравнимых исторических и других обстоятельств, жизнь с давних времён была более лёгкой и более обеспеченной. В силу опять-таки исторических, географических и других причин жизнь в России складывалась иначе и была более трудной и менее обеспеченной. И тем не менее обездоленной и нищей она не была.

Государственный бюджет в России строился на бездефицитной основе и сводился с некоторым накоплением. Доходы государства постепенно возрастали, — рост расходов в то же время отставал от роста доходов. Приведём несколько цифр:

ТАБЛИЦА № 4

Доходы	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
(в милл. золотых рублей)	2.418	2.526	2.781	2.952	3.401
Расходы	2.388	2.451	2.473	2.536	2.669
Накопления	30	75	308	416	335

В 1896 году был принят закон о переходе на золотую валюту. При этом Государственному банку было дано право выпускать на 300 миллионов рублей бумажных денег, не обеспеченных золотом. Этим правом, однако, царское правительство не пользовалось, и бумажных денег в обращении было всегда не больше, чем золотого

покрытия. Перед началом Первой мировой войны, летом 1914 года, в обращении бумажных денег было на 1.633 миллиона рублей, — в то же время золотой запас страны составлял 1.604 миллиона рублей и были ещё вклады в банках за границей на 141 миллион.

Благодаря такой финансовой политике бумажные деньги в России в этот период в любое время и без какого-либо труда можно было обменять на золото. Размен бумажных денег на золото не был прекращён даже во время войны с Японией, несмотря на возросшие расходы. И русская валюта в этот период считалась одной из самых устойчивых и твёрдых в мире.

Отметим, что превышение доходов над расходами государства достигалось отнюдь не с помощью увеличения налогов: налоги в России на одного жителя были самыми низкими в мире. Это видно из следующих цифр:

ТАБЛИЦА № 5

Налоги (в руб.) на чел.	прямые	косвенн.	общ. сумма нал.
в России	3.11	5.98	9.09
в Австрии	10.19	11.28	21.47
во Франции	12.25	10.00	22.25
в Германии	12.97	9.64	22.26
в Англии	26.75	15.86	42.61

Приведенные выше данные показывают, что экономическое состояние России в конце прошлого века и в начале нынешнего было весьма здоровым, что, в соединении со здоровьем духовным, реально обещало достижение высокого благополучия и приемлемого для всех общественного порядка. Этому мнению придерживались и многие иностранные наблюдатели, заявлявшие тогда, что если положение в мире останется по-прежнему мирным и благоприятным для развития, Россия к середине XX века станет самой мощной и богатой страной в Европе.

Захватив в России власть и подчинив её своей тотальной диктатуре ради «построения коммунистического общества», причём даже во всём мире, возглавители этой античеловеческой утопии добились того, что СССР стал самым мощным государством в Европе — и одновременно пугалом для всех народов.

Россия может вновь обратиться к мирной жизни и мирному плодотворному развитию — если ей удастся отказаться от выполнения истребительной задачи «построения коммунизма» и подчинить свои усилия удовлетворению прежде всего своих собственных потребностей.

В.Н.

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ В РИГЕ

Воспоминания морского офицера
Апрель 1943 г.

В Риге сенсация: ожидается приезд генерала Андрея Андреевича Власова, возглавившего с согласия немцев русское освободительное движение от коммунистической диктатуры в России.

Мне оказали честь встретить его и сопровождать по Риге, показав ему то, к чему он проявит интерес.

Генерал — высокий, худой, несколько сутуловатый мужчина старше средних лет. Слицом обыкновенным, не блещущим красотой, с глубоко сидящими светлыми глазами, спрятанными за очками с широкой, тёмной оправой.

Форма на нём была странная, всё неопределённого, оранжево-коричневого цвета. Фуражка старорусского образца с русской, царского времени кокардой. Пальто без погон, но с широкими красными отворотами, на брюках генеральские лампасы, а на кителе никаких знаков отличия, как и погон.

Я представился генералу, назвал своё имя и фамилию и мой бывший чин лейтенанта в Российском Императорском Флоте.

— О, дорогой мой, да мы с вами одного поколения, и служи вы до сих пор, то были бы по меньшей мере штаб-офицером! Я вас не могу иначе величать, как полковник, а капитан I-го ранга, — это для меня непривычно и длинно. Согласны? А меня, пожалуйста, называйте Андрей Андреевич! Не люблю, когда меня некоторые называют Превосходительством, но для престижа моего перед немцами это иногда не мешает!

Между нами сразу установились простые отношения, и я облегчённо вздохнул, так как волновался, что моя миссия быть при генерале будет нелёгкой.

— Ну, чем же вы можете меня обрадовать в Риге? Что у вас тут примечательного?

Я стал ему перечислять музеи: Городской, Исторический, Домский...

— Да нет, после русских музеев, да после Берлинских, меня не тянет на провинциальные. А русское искусство в них представлено?

— Что касается русского искусства, — говорю я, — то должен сказать — слабовато представлено.

— Ну тогда оставим музеи. А вот видел я Собор, может быть там старинная художественная роспись и иконы?

Тут мне пришло в голову предложить посетить Гребенщиковскую Старообрядческую молельню.

— Вот это с радостью великой посмотрю. Сознаюсь, ни разу не пришлось побывать у староверов в их храме. А староверы — кондóвая Русь! А они здесь у вас поповцы или беспоповцы?

Отвечаю, что беспоповцы.

— Ну, это ещё интереснее. Это крепкая кость. Даже Петру Великому не удалось их сокрушить.

Предложил я генералу ещё съездить в Царский Сад, где сохранился вяз*, посаженный Петром Великим.

— Вот и прекрасно. Сначала поедem к вязу, посидим на скамеечке, выкурим папироску, вспомним наше великое прошлое, пофантазируем о будущем, а оттуда поедem к беспоповцам.

Тут к генералу подошёл его адъютант, капитан А., с которым мы должны были ехать вместе, и я отлучился на несколько минут, чтобы по телефону предупредить Гребенщиковскую Общину о предстоящем визите.

Сели мы в машину генерала и я вдруг заметил, что кокарда генерала отличается от кокарды на фуражке его адъютанта, у которого вместо романовских-георгиевских цветов были бело-сине-красные цвета.

Я попросил генерала объяснить мне эту разницу в кокардах.

— Да видите ли, полковник, — ответил мне генерал с некоторым оттенком иронии, — это хотят себя отличить казаки. Но не беспокойтесь, казаки — русские и русского дела не предадут.

В парке мы сейчас же разыскали Петровский вяз, который от старости не был уже могучим, многоветвистым деревом. Сохранился лишь широкий по обхвату трухлявый ствол и немного ветвей. Весной не было зелени, и вяз производил бедное впечатление.

Сели мы на скамеечку у дерева, и генерал начал:

— Бедный вяз вместо того, чтобы своею мощью символически выявить силу России, ты стал немогуч, как Россия сегодня, под дьявольской властью Кремля. Думал ли Пётр, что его Россия через 200 лет так обнищает, и народ будет так порабощён, хуже, чем во

* Почему-то рижане называли это дерево «дубом», хотя это был вяз.

времена Ивана Грозного.

Вот вы, эмигрант, царский офицер, а я советский генерал, а при царе был унтером в одном гвардейском полку. Что вы думаете о Сталине?

Я постарался высказать всё моё отвращение к тирану, который создал в России небывалую в истории диктатуру, основанную на безбожии, лжи, провокации и полном беспорядке народа.

— А как вы думаете, полковник, — спросил меня вдруг Андрей Андреевич, — Сталин умён или нет?

— Он безусловно хитрый, кажется мне, а хитрость есть несомненно суррогат ума. Думаю, что глупый человек по настоящему хитрым быть не может, — высказал я генералу мою мысль.

— Нет, дорогой полковник, Сталин зверски умён. Редко я встречал такого люто-умного человека. Ведь я защищал Москву от взятия её немцами! Знаете вы об этом? А до этого Сталин вызвал меня в Кремль и я провёл с ним наедине много часов, разбирая создавшуюся обстановку, намечая меры для отражения врага. Ведь Сталин по образованию совсем штатский, почти самоучка, не кончил ведь семинарии, а до чего поразил он меня, офицера генерального штаба, познаниями в военном искусстве! И наверняка военной науки он не осваивал, а лишь постиг это своим недюжинным синтетическим умом. Так у него всё было ясно разложено в мозгу, и говорил он так спокойно, медленно, убедительно и дельно, что казалось, он — Генеральный штаб, а мне остаётся только исполнение его приказов. А время было серьёзное, даже весьма, — другой бы волновался, суетился и в панике чего бы не наделал, а этот совершенно точно намечает: туда перебросить тех-то, туда поставить артиллерию, туда

перенести аэродромы, а танками ударьте здесь. Говорю вам полковник, умная это бестия, но умная от дьявола! И нет ведь человека на свете, который бы его любил, не знает он и любви к кому бы то ни было, а вот при

общении с ним нельзя не чувствовать превосходства его ума. Я и немцам говорю, — не думайте, что Сталин дурак, а рассчитывайте на его особые мозги, иначе просчитаетесь. А немцы не верят и хотят в нём видеть глупое чучело. Я немцам говорю, что только с русскими они могут победить Советы, а они, как слепые и глухие, не хотят об этом слышать. Но, полковник, будьте совершенно уверены, что не пройдёт и нескольких месяцев, как они будут на коленях просить нашего участия, и тогда, если дана нам будет сила, мы покажем, что можем! Даже лучше, пусть немец повыдохнется, поистреплется, тогда нам легче сказать своё слово. Ведь, в конце концов, под немцами России не бывать, — это и ребёнку ясно. Если немец думает поработить Россию и из нашего народа сделать рабов, как Гитлер написал в своей книге, то немец погибнет, не ясно это только их оголтелому фюреру. Но заболтался я, нас ведь ждут староверы, надо двигаться, — закончил генерал.

Мы проехали на машине по набережной Двины и выехали на Б. Московскую улицу. Слева открылись ангары Центрального рынка. Я поспешил рассказать генералу об эпизоде с генералом Егоровым, который незадолго до войны приехал из Москвы по приглашению Латвийского военного министра.

— Да, да, я близко знал генерала Егорова, большая был умница, но вот, недостаточно был осторожен и сложил голову, а был за Россию во как, — сказал генерал и поднял кверху большой палец.

Я успел рассказать, что генерала Егорова возил по городу шофер Латвийского военного министра и среди прочего показал ему богатый продуктами Рижский Центральный рынок. Тут адъютант Егорова удивился изобилию товаров, на что Егоров заметил, что всё это выставлено на показ, что завтра ничего этого уже не будет.

— И вы думаете, полковник, — сказал Власов, — что генерал Егоров не понимал? Ведь адъютант-то при нём был его соглядатай от НКВД, и Егорову надо было притворяться. Это советская действительность, Егоров знал, как должен был говорить.

Тут мы подъехали к воротам Гребенщиковской Общины. Во дворе на крыльце встретил нас наставник молельни в окружении представителей Общины. Это были всё бородатые пожилые мужчины, стриженные под скобку, и все в чёрных, старомодных длинных сюртуках. И подумалось мне — заправские замоскворецкие купцы! Видимо и генерал почувствовал нечто глубоко родное, увидя встречавших его, и произнёс:

— Приветствую в вашем лице древнюю Русь!

В ответ послышались слова приветствий. Наставник спросил Андрея Андреевича, что ему угодно осмотреть?

— Молельню вашу и ваши иконы старого письма. И расскажите потом о вашей вере, и как это вас так много именно в Риге, — заметил генерал Власов.

Мы прошли в молельню. Она разделена перегородкой на мужскую и женскую половину. Алтаря нет., задняя стена вся покрыта иконами, тёмными, древнего письма в серебряных ризах. Это своего рода иконостас, перед которым столик, покрытый, как престол.

Наставник указывал Андрею Андреевичу на самые ценные иконы, которые генерал долго и внимательно

осматривал, а затем обратил внимание на один предмет — нечто вроде чаши с длинной рукояткой сбоку, и спросил:

— Это что же такое?

— Это наше кадило, — ответил наставник.

— Как же вы им кадите? Разве так надо по вашей вере? Ведь это неудобно!

— Да, так полагается, — отвечали.

Генерал удивился, что поют во время службы по крюкам и в унисон, а службы некоторые длятся по 8—10 часов. Перед молящимися разостланы коврики, на которых они кладут земные поклоны, падая ниц.

Генерал спрашивал: — Значит, вы продолжаете и по сей день молиться так истово, как в первые времена христианства?

— Справляем службы, как полагается по Писанию, но скорбим, что потеряли преемственность священства, — осиротели в годы гонений, но по разумению нашему продолжаем хранить свято-отеческие заветы, — ответил наставник.

— Ну, а не лучше ли воссоединиться с православием, чтобы хоть в религиозной жизни русских не было разногласий, ведь в единении сила! — заметил А.А. Власов.

— Нет, Ваше Превосходительство, мы в гонении прожили два века, в своём ещё больше укрепились. Здесь нас никто не притесняет, мы уж своё уберёжём, а русскими настоящими, не только по крови, останемся, можете нам верить, — ответил размеренно и чётко наставник.

— Да, да, русским можно быть и не будучи даже русским по крови. Каких я знаю татар, армян, грузин, евреев и многих других, которые лучше и вернее многих

русских. Нет! Никто вас не будет в свободной России принуждать менять веру,— это вопрос совести каждого. Дожить бы только до свержения ненавистой, безбожной власти!— сказал с подъёмом генерал.

Нас пригласили в трапезную и предложили скромную чашку чая. Каждому была подана «пара чаю»: большой чайник с кипятком, а на нём маленький чайник с наваром чая. На тарелочке ломтик лимона и кусковой сахар, мелко наколотый. стакан на блюде поставлен был вверх дном.

— А у вас и тут всё по старо-русски,— заметил Андрей Андреевич.

Генерала интересовало всё, и касающееся старообрядчества в целом, и история рижской Общины, и Белокриницкое старообрядчество — поповцы. Успели мы ещё осмотреть иконописную мастерскую. Андрей Андреевич наверно остался бы в общине дольше, но было назначено его выступление с докладом перед русской рижской колонией и следовало спешить. Поблагодарив любезных хозяев за приём, мы покинули этот очаг древней Руси.

— Ну и благодарю же вас, полковник, что показали мне беспоповцев. На всю жизнь запомню! И крепкие же люди, ничто их не поколебало, они и теперь спокойно почивают на своих свято-отеческих подушках. С одной стороны хорошо соблюдать веру отцов, но хорошо ли, с другой стороны, от всего нового отворачиваться? Каменеть в своих взглядах, и вере тоже, вредно. Очень мне интересно было всё видеть и слышать, но, знаете, жалко их! Вы заметили, полковник, что там никто не курил? Наверно им курить нельзя?— спросил Андрей Андреевич. Я подтвердил, что по их вере курение грех, и очень хорошо, что генерал и его адъютант не начали

курить в Общине,— получился бы конфуз.

Мы поехали обратно сначала по Московской улице я предложил возвратиться другой дорогой: по Пушкинской, Гоголевской, мимо деревянного Гостиного Двора, построенного вне стен старого города Риги. Я рассказал генералу вкратце историю постройки этого Гостиного Двора, когда отцы города, балтийские немцы, не разрешали русским купцам торговать в самом городе; тогда за городской стеной, на пустыре, и были воздвигнуты эти торговые ряды.

— Ну, дорогой, уже тогда нам на ноги наступали, и в своей стране ещё!— взволновался генерал.

Вспомнили наших императриц-немок, на что генерал возразил: «Не верю, что по духу императрица Екатерина Вторая была немкой. По крови — да, как и наша последняя Царица, но обе были *верные* русские царицы. Наверно были у отцов города какие-то особые привилегии, иначе быть не могло. А разве Царственной особе полагается нарушать однажды данное обещание? В этом и заключается праведная власть!»

Мы подъезжали к дому, где должно было состояться выступление генерала. Через украшенное лавровыми деревьями фойе мы прошли в приёмную, где были «именитые» гости во главе с митрополитом Сергием. Против входной двери, спиной к окну, в шеренгу, стояло около десяти немецких офицеров с поднятыми правыми руками (немецкое нацистское приветствие). Все были с красными лампасами, что удивило генерала и меня. Когда мы снимали пальто, А.А. успел мне шепнуть:

— Смотрите, как много в Риге немецких генералов. И они пришли чего-то меня послушать!

Как потом выяснилось, это были офицеры генерального штаба, форма которых была с лампасами.

Генерал обошёл всю шеренгу, здороваясь с каждым за руку, и по-русски протяжно выговаривая: «Здравствуйте,— здравствуйте!»

Затем подошёл к Владыке под благословение и удалился с ним на несколько минут в соседнюю комнату.

Зал уже гудел от сотен голосов собравшихся, а когда Андрей Андреевич появился в зале, ему была устроена сердечная встреча. Поднявшись на трибуну, генерал начал свою речь, говоря о целях РОА. Он открыто упрекал немцев в недалёковидности их политики в России. «Если немцы намереваются обратить русских в рабов,— генерал угрожающе стучал кулаком по пюпитру,— *то, как аукнется, так и откликнется!* и немцы будут побеждены».

У всех присутствующих пробежал мороз по коже. В зале было много немцев, высших офицеров. Опасались, что генералу запретят продолжать речь, но он говорил больше часу и кончил под бурные овации присутствовавших. В овациях восторженно принимали участие и германские офицеры.

По окончании доклада генерал сейчас же на автомобиле уехал в Псков. Шумная и возбуждённая толпа оттеснила меня и помешала попрощаться, поблагодарить и пожелать успехов в его ответственной работе.

Дм. Дроздов (Свящ. Дм. Дудко)

ДВОЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ РУСИ

(Заметки к будущей книге)

О. Никон возвратился со службы особенно усталый и только было улегся в своей комнатухе (он летом жил при церкви), как к нему постучали. Неохотно встал и недовольно спросил:

— Кто там?

— Откройте, о. Никон.

Голос будто знакомый, но он боялся верить, что это Тот, мягко переспросил:

— Говорите, кто?

— Ну откройте и увидите... Не бойтесь, я вас не унесу.

На этот раз сомнений никаких не было; о. Никон, на всякий случай накинув рясу, открыл.

— Простите, о. Никон, но мне нужно было с вами увидеться. Я к вам на минутку...

— Да, пожалуйста, проходите.

У о. Никона как будто и усталость прошла и он почти за рукав втянул в комнату своего профессора. Профессор на этот раз как-то особенно дружелюбно улыбнулся.

— Помните, я вам обещал, что напишу про вас... Так вот написал. Профессор достал тетрадку из портфеля и держал ее в руках. О. Никон как-то даже забыл, о чем идет речь.

Профессор снова стал извиняться.

— Прочтите, когда будет время... Я как-то в другой раз загляну.

— Нет уж, пришли, я вас не выпущу. Садитесь, а я буду читать.

— Это срочно?

— Ну как угодно,— согласился профессор.

О. Никон немного прилег на диване, профессор тут же уселся с ним рядом.

— А я кстати тоже почитаю...

Профессор достал книгу, и началось чтение.

Тетрадка о. Никона сразу увлекла, он довольно улыбался.

Бросил взгляд на профессора,— и профессор углубился в чтение. В его руках небольшая книга без переплета... Новый Завет! — сразу догадался о. Никон, глянув на расположение строчек.

Больше о. Никон на профессора не смотрел, чтобы ему не мешать и сам со всей серьезностью и захватывающим интересом продолжал чтение.

Вошло в храм два человека, оба журналисты.

Один высокого роста, уже пожилой, в очках, с изможденным лицом, другой — среднего роста, с лицом без единой морщины, тоже в очках, но темных, от солнца.

Им срочно нужен был материал. Заставили написать антирелигиозную статью, про тот храм, в который они вошли.

Храм был незаметный, отдаленный, но слишком известен в нем человек — священник.

В храме шла служба.

Что сразу поразило журналистов — то, что служба шла истово, без всякой скороговорки. Это не входило в расчет журналистов, особенно молодого.

Но что еще более поразило и удивило журналистов: в храме было только несколько старушек, совершенно невнимательных к службе.

Две или три из них торговались у ящика, отдельно от них стояла старуха у ящика и молча, как шпион, наблюдала за всеми, кто входил. С злыми острыми глазами, с бледным полумертвым лицом так и поворачивалась из стороны в сторону.

На журналистов она тотчас нацелилась, но из каких-то тактических соображений отвернулась от них и стала как будто наблюдать за молодой девушкой, растерянной и чем-то взволнованной, стоявшей в укромном месте на коленках перед большой иконой Матери Божией.

Журналисты постояли немного у входа и стали осторожно проходить дальше.

Украдкой бросили взгляд на злую старушку, убедились, что она оставила их в покое, и пошли смелее по храму.

Зайдя в такое место, где старуха не могла их видеть, они бесцеремонно стали рассматривать живопись.

Живопись была старинная, впечатляющая, так что даже молодой журналист ахнул и задрал голову, говоря:

— Ну, это нужно взять на государственный учет. Зачем этим мракобесам такая красота? Вы смотрите только...

— Возьмем, всё возьмем, произнес пожилой журналист. — Дай только время, и храм этот закроем...

Журналист был так молод, что в голосе пожилого не расслышал иронических нот и уже хотел было водить пальцем по лику какого-то святого, как откуда ни возьмись, подбежала расвирипевшая старуха-шпион,

схватила за рукав молодого журналиста и затормошила его:

— Чего тебя нужно здесь? Не видишь, что это светой? Водишь своим грязным пальцем по яго ясному лику. А ну убирайся, безбожник окаянный...

Молодой журналист свысока и пренебрежительно посмотрел на нее, но не двигался с места.

Пожилой сделал испуганный вид и хотел отретироваться, сказав внушительно молодому журналисту:

— Пойдем, а то она еще бить нас начнет...

Молодой журналист был не из робких. Он насмешливо посмотрел на старуху, на всякий случай бросил взгляд и на других старух, о чем-то усиленно шептавшихся, и грозно зарычал на старуху.

— Что привязалась? Посмотрим и уйдем, не унесем же мы твои иконы?

— А что смотреть? Надо молиться, а не смотреть. Здесь молятся...

— Ну уж и молятся? Болтают...

— Не тебе судить, сопляк. А ну, перекрестись. Ты и креститься, гляди, не умеешь.

— Не умею и не желаю. Не считаю нужным...

— Ах, не считаешь нужным? Так убирайся. Не видишь разве, что здесь храм? — наступала неробеющая старуха.

Молодой журналист намерен был дать контрудар, какой только? — не понял пожилой журналист.

В это время в храм входил пожилой человек, довольно интеллигентный, с почтенным видом и с ним рядом шел мальчик школьного возраста.

Молодой журналист хотел было направиться к этому

пожилому человеку, нервно махнув рукой в сторону старухи, чтоб она отстала, да пожилой журналист дернул его довольно сильно за рукав.

— Ты что задумал?

— Да ведь нельзя, пионера привел. Сам он темнота, пусть, но зачем пионера привел?

— А ты знаешь, с какой целью он вошел? Да и кто это? Может, это новый Павлов?

Молодой журналист вопросительно посмотрел в лицо пожилого журналиста. Тот качнул головой — пойдем, мол, отсюда.

Молодой журналист согласился было уходить, они уже были недалеко от двери на выход, как с противоположной стороны в боковую дверь вошло несколько молодых людей.

Они моментально сняли шапки, и было такое впечатление, что они начнут креститься, но почему-то не перекрестились, благоговейно огляделись кругом и почтительно остановились...

Остановились и журналисты, их заинтересовали вошедшие, кто они и откуда?

За этими молодыми людьми вскоре вошли и другие молодые люди. Храм наполнялся молодежью. Самому старшему было не больше двадцати пяти лет, младшему лет четырнадцать-пятнадцать.

Они не любопытствовали, они были как будто чем-то поражены, вернее, потрясены... Такой вид у всех у них был, как будто вот им хочется молиться, да не знают, как начать.

Лица были всякие: и светлые русские, и темные восточные, и были даже с узкими глазами, раскосые, были и библейские лица евреев, вдохновенные и

решительные. Так и представлялась картина какого-то знаменитого художника, глядя на эти лица.

Служба кончалась. Священник с острой и редкой бородой вышел с крестом на амвон.

Старухи с благочестивыми лицами потянулись прикладываться ко кресту.

Пошла и злая старуха-шпион, на ходу косясь на молодого журналиста. Крепко, видимо, он не понравился ей.

— Смотри вот сюда,— сказал пожилой журналист. К церковному ящику выстраивалась очередь. Журналистов это заинтересовало, и они с большим любопытством приблизились, так, чтоб можно было расслышать, о чем говорят молодые люди. Слышались голоса. Сначала молодому журналисту они показались насмешливыми, он сказал пожилому журналисту:

— Разыгрывают какую-то шутку...

Но тот не слушал его. Молодой журналист более внимательно прислушался и поразился: говорили вполне серьезно и очень и очень любопытно.

— Как можно креститься?

— А кому креститься? — подняла лицо торгующая за ящиком. Очки сползли с ее бледного лица.

— Да вот нам...

В этом месте разговора молодому журналисту показалось, что они в самом деле смеются. Так их поняла и женщина за ящиком и даже отмахнулась от них.

— Не мешайте работать...

— Мамаша, почему вы не хотите нам ответить?

Женщина снова подняла на них удивленные глаза, худоба ее почему-то особенно выделилась сейчас.

— Вы что? Серьезно хотите креститься?

— Да, да, серьезно...

— А кто хочет?

— Да вот все мы...

— Все вы? А сколько вас всех человек?

Молодой журналист в этом месте разговора подумал: «Неужели всерьез?» — и всерьез заинтересовался разговором.

— Человек пятьдесят...

— Пятьдесят? — ахнула женщина. Ее лицо засияло, она моментально всех их окинула ожившими глазами.

И впала в сомнение: ей все-таки показалось, что не может быть всерьез, она знала, какая сейчас молодежь распутная, несерьезная. Снова роясь в ящике, недовольно пробурчала:

— Не мешайте работать. Скажите, что вам нужно? И уходите... Может, свечу хотите поставить по какому-то поводу?

Молодые люди не отступали, переглянулись вопрошающе между собой.

Молодой журналист к ужасу своему заметил, что всё здесь всерьез.

Пожилой журналист стоял с загоревшимися и просветленными глазами.

Признаться, этого он не ожидал, хотя уже встречал много всего неожиданного.

— Мамаша, почему вы нам не хотите ответить?

Мамаша смотрела растерянно.

— А что вам ответить?

Она со страхом начала догадываться, что они в самом деле хотят креститься, и соображала, как всё это

оформить, да и заинтересует кое-кого массовое крещение, и как бы чего не вышло.

— Да вот все мы хотим креститься... Что для этого нужно?

Женщина перестала копаться в ящике и глядела на молодых людей. Как бы она ни хотела быть угрюмой, но ее лицо засияло, засияло каждой складкой рано собравшихся морщин.

— Ой, деточки,— заговорила она раздобревшим голосом. — Я и сама не знаю... Пойду спрошу у старосты. Такого не бывало...

Молодые люди стояли выжидательно, серьезно и с какой-то ранней тревожной думой. Таких серьезных лиц у современных молодых людей не бывает.

Староста, располневшая женщина за пятьдесят, давно уже наблюдала со стороны.

Она медленно подвигалась к ящику, осторожно прося посторониться молодых людей.

Те очень медленно отступали в сторону. Женщина за ящиком заметила старосту и почти закричала ей:

— Мária Петровна, вот молодые люди креститься хотят... Староста ничего не отвечала, молча подвигалась, поднявшись и закрыв дверцы ящика, стала спрашивать с возвышения.

Она была тактичная староста, тактичная и дипломатичная.

— Ну, вот теперь говорите, что вы хотите?

Впереди стоявший молодой человек повторил просьбу.

— Мы хотим креститься. Что для этого нужно?

— Как что нужно?

Староста еще не нашлась, что сказать, но уже давно всё поняла, что хотят креститься и не знала, что на это сказать.

Отказать не хотелось, а если крестить всех, будет чрезвычайное происшествие, ее сразу затаскают и как бы даже не закрыли храм, она всё почему-то боялась, что из-за «незаконных крестин» могут закрыть храм.

— А у вас документы какие-либо есть?

— Есть паспорта, студенческие удостоверения. Ну, а некоторые школьники...

— Школьники? — повторила староста. — А комсомольцы среди вас есть?

— Да мы все комсомольцы...

Молодые люди заметили перемену на лице старосты и почти почувствовали, что откажет в крещении и стали изворачиваться.

— А что, нельзя комсомольцам? Нельзя? Мы сразу бросим комсомол.

— Туда и вписывают механически.

— Да какие мы комсомольцы?

Лицо старосты еще изменилось к худшему. Молодые люди почувствовали, что допустили роковую ошибку. Староста, испуганно оглядываясь по сторонам, чуть не перекрестилась, когда закрылись царские врата, но и после все-таки от времени до времени она с тревогой поглядывала туда.

Молодые люди придавленно молчали. Пожилой журналист понимал, в чем дело. Староста боялась. Не дай Бог, выйдет сейчас из алтаря священник — да он всех с триумфом крестит. Священника этого он знал, ему терять было нечего, он уже всё потерял.

А старосте надо бояться: лишиться такого теплого места в храме очень неблагоприятно.

Староста собрала всю свою расторопность и дипломатичность и стала уговаривать молодых людей.

— А куда вы торопитесь? Вы, наверно, не знаете и «Верую»? Во всяком случае, не все?

— Не все, но все-таки кое-кто знает.

— А обязательно нужно наизусть?

— А как же.

— Да что мы экзамен сдаем в Духовную школу?

— Мы главное — веруем.

— Веруете — это хорошо, но надо и знать...

— Мы будем знать.

А пока надо торопиться.

— А чего торопиться?

— Может быть поздно.

— Поздно никогда не будет.

— А может быть поздно... — И кто-то недипломатично выпустил слова:

— Может, завтра нас всех пересажаяют?

Этого было достаточно. Староста, испугавшись, мгновенно побледнела. Она теперь с особой тревогой поглядывала на боковую дверь в левом приделе. Как бы не появился священник.

И с меньшей тревогой поглядывала на журналистов.

Пожилой журналист даже уже отошел в сторону, чтоб не смущать. Пожилому журналисту всё понятно было: в пикантное положение попала староста... В Чехословакии в это время разыгрывались события... Да и у нас готовились выступления на Красной площади.

Староста решила во что бы то ни стало отделаться от

молодых людей.

— Я вам советую идти пока домой, выучить «Верую», взять своих родителей...

Сразу чей-то протестующий голос:

— Зачем родителей? Родители — безбожники...

— Мы сами взрослые люди.

— Того родители не понимают, что нам понятно стало.

— Выходит, что и в храме правды нет?

Староста, как ни в чем не бывало, продолжала уговаривать.

— Нужны восприемники... Поручители, как это бывает при приеме в партию...

— Какое в партию? Мы же креститься хотим, а не вступать в партию.

— Всюду нужен порядок, отбивалась староста. Без порядка нельзя... Вот так. Ищите восприемников. Поручителей одним словом. Но тут некстати вмешались старухи. Они не выходили из храма и всё время, оказывается, слушали интересный разговор.

— Мы будем поручителями, — закричали они.

— Марья Петровна, не отказывайте им.

— Грех вам будет.

— Мы знаем этих молодых людей.

— Они хотят креститься.

— А вы не лезьте не в свое дело, — рассердилась староста на них. Служба кончилась, и идите из храма.

Злая старуха-шпион накинулась на старосту.

— Как это не наше дело? Наши дети крестятся, а мы уходить должны? А вот, кто ты сама? Мы еще у тебя спросим? Может, ты подослана? Храм наш, и марш отсюда.

— Не лезьте не в свое дело, вам говорят.

— А это наше дело. На наши гроши содержится храм. И ты на наших грошах живешь. И как это выходит, что не наше дело?

Злая старуха умела говорить бойко. Ее еще к тому же поддерживали другие старухи.

— Вот в одном месте отказали молодому человеку креститься, а он попал под машину и на смерть. Каково было матери отправлять на тот свет некрещенным своего сына?!

Молодые люди, видя поддержку старух, тоже стали наступать на старосту.

— Мы должны креститься!

— Нам надоела безбожная жизнь!

— В знак протеста должны креститься!..

— Мы должны креститься!

— На муки идем!..

— Крест должны принять.

Молодые люди пошли в лоб. Староста стояла, пораженная, не зная, что делать. Стояла и дрожала: не вышел бы только из алтаря священник. Иначе... Что будет?

Ей страшно было подумать, явно политическое дело.

Она обшаривала храм беспокойными глазами и уже замечала явно подозрительных людей.

Вон там притаился в углу в очках. Вон стоит с торжествующим лицом, похожий на еврея.

— Да у нас и купелей столько не найдется.

— Да и воды столько нет.

— Вас, гляди вон, полон храм.

— Мы поможем, — снова ввязались назойливые старухи.

— Мы натаскаем воды,— дружно закричали молодые люди.

Им становилось интересным всё это, почувствовали себя в наступательном положении.

Лица загорелись, вдохновились... Может быть, им показалось, что пришли на Красную площадь?

Может быть, даже показалось, что пришли к Днепру, сбросив старых идолов? Начнется вот массовое крещение.

Второе крещение Руси!

«Блажен, кто достигнет второго крещения, над ним вторая смерть не властна»,— что-то из Апокалипсиса в перефразе припомнилось пожилому журналисту.

Он решил подойти к старосте, показать ей свой журналистский билет и взять на свою ответственность крещение молодых людей. Молодой журналист не знал, что думал пожилой журналист, он стоял растерявшийся, с непонятным глупым видом. В мозгу его стучала мозглявая мысль: «Сообщить, надо сообщить. Вот оно, что делает церковь, какие антисоветские страсти подогревает...»

И вдруг из алтаря вышел священник. Вышел в облачении. Наверно, он всё слышал и только хотел выждать момент.

И этот момент наступил. Вышел с крестом, с доброй дружественной улыбкой.

Молодые люди так и поняли, что он им говорит:

— Вы — друзья мои...

— Батюшка,— закричали ему.

— Креститься? — догадался он.

— Креститься хотим!

— А нам не дают...

— Ведь сказано в Писании: «Не препятствуйте...»

— Таковых есть Царство Небесное,— торжествующе добавил священник. Хотите — крестим!

Все ахнули: молодые люди — облегченно, староста — удрученно.

— Агриппина, закрывай ящик. Уходим. Пусть берет на свою ответственность. И надо же: настоятеля нету. Он осторожный, а этот загубит всё дело. Храм закроют. Вот посмотрите, закроют храм.

Священник хотел было потребовать, чтоб отпустили свечи, но за ящиком никого уже не было. Он так и понял: дезертировали. Нужно действовать самому.

Старухи уже тащили купель, баки с водой.

Вдруг вспомнил священник про крестики, где крестики достать?

На всякий случай спросил у молодых людей:

— А крестики у вас есть?

— Есть, есть,— закричали они.

И каждый вытащил свой крестик и показал торжественно.

Крестики были разные, видно, готовились, по заказу сделали.

— Раздевайтесь и становитесь...

Пока священник сходил в алтарь за крестильным ящиком, все уже были раздеты и в несколько рядов выстроились вокруг купели.

Уже и свечи горели и удивительное дело — злая старуха-шпион стаскивала подсвечники со всего храма и обставляла кругом крестившихся.

Храм начинал пылать.

Священник вынес две диаконские свечи из алтаря и

укрепил их на аналойчике, на котором стоял крестильный ящик.

Крещение началось... Была тишина.

— Благословен Бог,— как будто неуверенно произнес священник, оглянувшись назад.

Все стояли серьезно — и кто их научил? — Как древние христиане (вспомнились такие картины) сложили руки на груди.

К горлу священника подступали предательские спазмы, он почувствовал, что сейчас расплается... Расплается от умиления. На самом деле в наше время происходит второе крещение Руси,— подумал он.

Он вспомнил, скольких уже крестил молодых людей. Крестятся все, кто живет в России. Крестятся евреи...

Где, в какой стране еще столько крестится евреев?

Вспомнил он доброй памятью и о. Иоакима, много потрудившегося в этом добром деле.

— Отрицаешься ли сатаны? — стараясь сдерживать волнение, спрашивал священник.

В один голос слышался ответ.

— Отрицаюся сатаны и всех дел его.

— Подуйте и плюньте,— нужно было сказать священнику...

Он чуть запнулся, говорить ли это? Не будет ли соблазнительно?

Но тут подсказали старухи.

— Надо плюнуть...

— На сатану надо плюнуть,— добавила злая старуха.

— Ах!..

Но все-таки на лицах молодых людей появилась растерянность: как это делать? В храме ведь? А на сатану

хотелось бы плюнуть и увесистым плевком.

— Ну вы так...

Подули и плюнули так, как будто буря поднялась и заиграли, как волны, довольные улыбки на лицах.

— Сочетаваетесь ли Христу?

— Сочетаваемся...

— Хотим быть со Христом.

— Скажите, верую яко Царю и Богу.

— Веруем!

— Веруем!

— Верую во Единого Бога...

Священник не знал, как поступить. Читать ли «Верую», а они чтоб за ним повторяли, или запеть?

И как-то само по себе запелось. Его голос подхватили. Запели сразу стройно.

Как только кто чувствовал, что поет не в тон, прекращал петь. Старухи плакали.

Пение несло задущебно-дружественное, не особенно громкое, в самую такую умеренность, которая составляла особое настроение.

— Распятого же за ны...

— И воскресшего в третий день по писанием...

— И восшедшего на небеса...

— И паки грядущего...

— Чаю воскресения мертвых!

— И жизни будущего века...

— Аминь!

— Надо успеть! — пронзила мысль сердце священника. — Так не могут оставить... Наверно, уже пришли?

И он начал помазывать елеем. «Вот бы сейчас другой священник. Я бы помазывал, а он крестил... Или наоборот.»

Молодые люди были расторопны.

Когда обошел три или четыре круга, почувствовал, что он около двери, глянул в том направлении...

Там уже стояли, в форме. Он еще раз глянул, какие лица? Непонятно, но и им, видно, любопытно. И интересно.

Глянул в открытую дверь. Людей был полон двор. Теснились с детьми даже.

Кто-то тихо попросил:

— А внука можно? Мать согласна, а отец нет... Боится, партийный... А так он тоже согласен.

— А у меня оба согласны, но боятся прийти... Нельзя ли, чтоб им не приходиться?

— И внучек согласен. Он давно меня просит: бабушка, крести. Что я, как басурман буду? Откуда знает такое словечко: басурман?

— Крести, батюшка... Век Бога буду молить за тебя.

— Я уже все храмы обошла... Боятся...

— А ты не боишься...

— Храни тебя Бог и Матерь Божия.

Священник, помазывая, всё это слушал. Он готов был всех крестить сегодня, он готов на всё!

Только бы успеть. Только бы не запретили... Еще немного...

Немного! Господи, помоги.

Кажется, обошел всех. Помазал. Ну, крестить это скорее пойдет.

Молодые люди входили в таз с водой около купели, руки опускали в купель, большой купели не было.

Священник энергично возливал на их голову воду.

— Крещается раб Божий... во Имя Отца — аминь, и

Сына — аминь, и Святого Духа — аминь...

Вздрагивал крестившийся и рад был, что с него стекала святая вода.

— Крестики сами надевайте.

Кто-то слегка толкнул священника.

Оглянулся. Алексей Яковлевич держал в руках большой пук свечей.

— Откуда это? — спросил растерявшийся и обрадовавшийся священник.

— Вот старухи принесли. Из другого храма.

— Старухи? — задумался священник. — Злые и добрые старухи... А что бы мы делали без этих злых и добрых старух? Самоотверженных, святых старух?! Нет, их нужно понять! — думал с благоговением о старухах священник.

— Зажигайте...

— Благословите.

Священник благословил.

— О. Андрей, это ты? Помогай крестить...

— Не могу, я в запрещении, — ответил тот нерешительно.

— Да кто тебя запретил? Помогай. Не стой в стороне. Надо успеть...

— Не могу...

Не заметил священник, как к нему протискался о. Нестор.

— Вы всех помазали?

— Всех. Надо только крестить. Успеть бы... Пришли уже соглядатаи...

— Не волнуйтесь, батюшка, сейчас они ничего не сделают. Потом... Потом, может быть... Ну мы на то

пошли... Надо петь.

О. Нестор запел.

— Елицы во Христа...

На этот раз запели все лучше, чем пели до этого.

— Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Аллилуйя.

Горящие круги, как на Пасху. Светятся свечи.

Крестятся молодые люди.

— А нам сказали, здесь хулиганят...

Это заговорили в форме.

— Продолжайте. Значит, всё в порядке? —

И в форме ушли.

В форме ушли, но не остались ли без формы?

— Теперь уже успеем...

— Миропомазать и всё.

— Дары Святаго Духа...

В храме было много священников.

Весть о том, что в таком-то храме происходит массовое крещение, облетела всю Москву и многие пришли.

Этого еще не бывало!

— Успели?

— Успели!

Алексей Яковлевич своим надтреснутым голосом, но очень старательно прочел Апостол.

«Братие, елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся...

...Аще бо сообразни быхом подобию смерти Его, то и воскресению будем...

...Аще ли умрохом со Христом, веруем, яко живи будем с Ним: ведяще, яко Христос воста от мертвых:

ктому уже не умирает, смерть Его ктому не обладает...

Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем.»

Евангелие попросил прочесть о. Нестор.

Слышался его отчетливый выразительный голос.

Конец прочел с особым чувством:

«.....Шедше научите вся языки, крестяще их, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповеда вам. И се Аз с вами есмь во вся дни, до скончания века, аминь».

— Вы еще не знаете, какие силы таятся в русском народе,— сказал пожилой журналист.

Молодой журналист явно был в растерянности и невнятно прошептал:

— Неужели все всерьез крестятся? Это, я думаю, все-таки мода...

— Да, модна становится вера, а неверие теряет даже моду в России...

* * *

О. Никон закончил чтение, поднял утомленную голову от тетрадки.

— Вы это о ком и в каком храме это происходило? — спросил у своего профессора.

— Да в вашем храме, и вы это делали...

Я? Испуганно как-то спросил о. Никон. — Когда? — я не помню.

Неужели? Стой, когда это было?» — напряженно припоминал он.

«Неужели там было около пятидесяти? А если собрать всех молодых людей, которых я крестил не в одно время, их будет не пятьдесят, а пятьсот...»

Радостно улыбнулся.

Профессор сказал:

— Я пришел к вам сегодня креститься. Я верующий. Я хочу сознательно участвовать во втором крещении Руси. Я ожидаю воскресение мертвых и жизни будущего века...

— Аминь,— сказал о. Никон, все-таки испытующе окидывая фигуру профессора.

Хотелось спросить, а почему вы до сих пор не крестились? — да подумал, что это будет нетактичным перед лицом его светлого крещения. Много ведь может быть причин, самых неожиданных и интимных.

На этот раз никакого сарказма, никакой насмешки не было на его ясном лице. Только в усталых глазах да в морщинах возле глаз залегло огромное страдание не только этого профессора.

Он, о. Никон представил, сколько бессонных ночей обдумывал профессор, чтоб прийти креститься...

Теперь это было окончательно.

То, что не было додумано тогда, додумалось теперь, додумалось в великих страданиях русского народа.

В этом журнале помещены два очерка о. Дм.Дудко, набранные и включённые в журнал задолго до появления в Москве (в «Известиях» от 21.6.80) «покаяний» о. Д.Дудко, где он пишет, что запрещает «дальнейшую публикацию» его книг и статей. Это «покаяние» изготовлено в тюрьме КГБ. О. Дмитрий остаётся под следствием и свободно выражать свою волю не может. А воле КГБ мы, понятно, подчиняться не имеем ни малейшего желания, почему и не снимаем написанное о. Дмитрием тогда, когда он ещё мог выражать с в о ё мнение, чего дальнейшие «признания» зачеркнуть не в состоянии. (Ред).

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР

В 130-ом номере ВЕСТНИКА РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ напечатан «Рапорт Совета по делам Православной Церкви» членам ЦК КПСС. Отчитываясь перед ЦК, члены Совета должны показать, что в своей работе они достигли больших успехов. Поэтому нередко такие фразы в этом конфиденциальном документе: «Синод находится под контролем Совета. Вопрос подборки и расстановки его постоянных членов был и остаётся всецело в руках Совета... Все вопросы, которые предстоит обсуждать на Синоде, патриарх Пимен и постоянные члены Синода заранее обговаривают у руководства Совета... За последние годы нами разработана чёткая и широкая система воспитания епископата...»

Вот ещё знаменательная фраза из этого рапорта: «Рукоположение во епископы производится в первую очередь с учётом того, что «новопосвящённый» предназначен для зарубежной работы...» И ещё вот такая, утешительная для ЦК КПСС фраза из отчёта Совета: «Следуя примеру патриарха Пимена, и другие иерархи в своих выступлениях поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Советского государства...» Отсюда вывод: члены КПСС могут спать спокойно. Совет по делам Православной Церкви в своей работе «оправдал доверие партии и правительства».

Однако, в советских официальных отчетах за перечнем успехов всегда следуют «некоторые временные неполадки», которые будут устранены в самом

ближайшем будущем. Так и в рапорте Совета перечисляются неполадки с окормлением его подопечных.

Следует перечисление епископов, уличённых в неправильном поведении. Например, архиепископ Владимирский и Суздальский Николай — «...стремится взять под своё влияние исполорганы, создать сильные церковные хоры, омолодить кадры членов «двадцатки», обслуживающего персонала церквей и снять ограничение с церковного звона». Дальше выясняется, что епископ Николай уже раз был перемещён за «неправильное» поведение из Ростовской области во Владимирскую, а теперь нужно с ним опять что-то делать. Ставится вопрос «о целесообразности перемещения Николая (уже не упоминается сан) на другую кафедру». «Неправильно» повёл себя епископ Хризостом Курский, сказавший в проповеди, что ведь и неверующие многое принимают на веру, хотя бы утверждение учёных о беспредельности вселенной. «Неправильно» ведёт себя и Астраханский епископ Михаил, требующий «расширения прав церкви»; вызывает беспокойство уполномоченного Совета по Карельской области «неправильное» поведение благочинного Олонецкой епархии, который «требователен к себе и настойчиво требует работать без усталости на ниве Божией от других служителей культа».

Приходится делать усилие и вспоминать, что читаешь отчет из перевёрнутого мира, где добродетель заносится в категорию зла, а небрежение законами церковными и Божескими вносится в послужной список гражданских заслуг. Поэтому сжимается сердце, когда читаешь, как уполномоченным Совета удаётся «нейтрализовать» того или иного служителя Бога и выправить его «в результате неоднократных бесед»; иногда Совету приходится применять и более строгие меры, как перемещение в

другую епархию или даже запрещение к служению. Но Совет не сам наводит порядки. В отчете о борьбе Совета с отцом Дмитрием Дудко, с которым «местные органы власти проводили неоднократно профилактические беседы», сообщается, что в конечном итоге «используя лояльных иерархов церкви, удалось вывести из состава московского клира священника Дудко...»

Перевернутый мир! Кто же преобладает в нём — епископы и благочинные, уличённые Советом в «неправильном» поведении, или вот такие, кого в рапорте Совета называют «лояльными иерархами церкви»? В рапорте Совета приведено много статистических данных «о кадрах служителей культа на приходах», «о подготовке служителей культа в духовных школах», об «издательской деятельности РПЦ» — данных, подкрепляющих необходимое для членов Совета положение, что под их руководством церковь православная постепенно исчезает с лица земли. И всё-таки... В самом начале рапорта Совета дан список правящих архиереев, разделённый на три группы: абсолютно лояльные к власти и не проявляющие особенной активности в расширении православия; во второй группе — лояльные на словах, а на деле выступающие за повышение роли церкви, и в третьей группе — религиозно-консервативные архиереи, пытающиеся обойти законы о культах. Памятуя о перевернутом мире, мы насчитали 17 верноподданных служителей культа (первая группа), 23 правящих архиерея — ревнителей православия (вторая группа) и 17 «неправильных» святителей, с точки зрения Совета по делам Православной Церкви (третья группа). Итак — 40 против 17-ти. И это — под «постоянным и неослабным контролем» за деятельностью церкви! И через шесть десятков лет её неослабного преследования!

Напечатанный в 130-ом номере ВЕСТНИКА РХД официальный рапорт Совета по делам Православной Церкви будет, вероятно, ещё не раз обсуждаться на страницах русской зарубежной печати, так что данная краткая оценка этого рапорта — лишь один из откликов, может быть, слишком оптимистичный. Но грустную радость вызывают такие сообщения Совета по делам Православной Церкви: «...за крещение детей в квартирах верующих и у себя на дому наказаны 12 православных священников», «наказаны 15 фанатиков за организацию религиозных шествий по улице с иконой и свечкой»...

Тамара ПЕТРОВСКАЯ

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка : страны Бенелюкса 450 б. фр., Франция 60 фр. фр., Германия 40 марок, США и Канада 15 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

В. Orekhoff, 26 avenue Everard,

В 1190 Bruxelles (Belgique)

ПОДЪЁМ ФЛАГА

I

«Как ежегодные разливы реки, образующие пойму, накладывают печать на всю местность, которую они заливают, так многочисленные смены империй, захватывающих неизменно одно и то же пространство, образовали на Востоке Европы своего рода имперскую пойму».

Этот художественный образ — из статьи проф. Н.И. Ульянова «История и утопия», включённой в сборник «Спуск флага», недавно вышедший из печати.*

Спуском флага автор называет снижение непримиримости эмиграции к коммунистическому режиму, и название одной из статей сборника соответствует её содержанию.

Другое в статьях «История и утопия», «Немного истории». Здесь подлинно высокое слово о нашей истории, о России, утверждённой в веках, как единое, нерасторжимое целое.

В этих статьях не спуск, а подъём нашего российского флага.

В этих статьях, как и в других исторических и историко-литературных работах Н.И. Ульянова, сочетание глубокой историософской эрудиции и литературного дарования.

*Н. Ульянов. «Спуск флага», США, 1979 г. издание автора, 147 стр.

В статье «История и утопия», в яркой и сжатой форме излагается целая историческая концепция, утверждающая Россию, как многонациональное, но единое целое, уходящее в глубь веков.

Статья начинается с констатации уже известного нам: «Давно известна популярность призывов к расчленению России».

В наше время эти призывы звучат особенно громко. В наше время объединяются различные силы, России враждебные. Не коммунизму, нет, а именно исторической России.

«Её многонародность,— пишет Н.И. Ульянов,— считается чем-то вроде «утопии», существующей вопреки историческим законам».

И какие бы беды ни обрушивались на неё в её многовековой истории, какие бы власти ни утверждались на «троне» её, свои или чужие, татары в их числе, «Имперская пойма» оставалась единой.

Как пишет Н.И. Ульянов, науке ясна древность этой общеимперской традиции, «насчитывающей ко времени Олега сотни лет своего существования».

Н.И. Ульянов пишет, что новейшая историография начинает нашу историю не с Рюрика, а несколькими веками раньше. Геродот — вот наш первый историк. Скифы, сарматы, готы, гунны — вот где таится наше прошлое.

Великая Скифия, начинаясь на берегах Азовского и Чёрного морей, уходила в лес Севера, то есть охватывала всю ту же Имперскую Пойму.

Готская империя Германариха так же включала всю нынешнюю Европейскую Россию. Империя Антов, о которой известно немного, занимала ту же территорию.

«С незапамятных времён,— пишет Н.И. Ульянов,— на территории России видим только крупные государственно-политические образования».

Пало Киевское государство — начался «удельный период», когда, как считали раньше, «всероссийской власти» не было.

«Но это не верно,— пишет Н.И. Ульянов,— Весь «удельный» период населявшие её (Россию, В.С.) народы пробыли в недрах Золотой Орды, ставшей наследницей киевских владений. С падением Киева империя не пала, но необычно расширилась. Сменялись столицы и династии — не рюриковичи, а чингизиды, не Новгород, Киев, Владимир, а Сарай-Бату, Сарай-Берке. Многое изменилось в культуре, но её древние земли с их населением остались неизменными».

Смена столиц и правящих групп проводилась силой оружия, но не всегда завоеванием. Только нашествие Батыя было, по внешним признакам, завоеванием и присоединением.

Но как только татары утвердились на Волге, выяснилось, что не Русь, а улус Джучи — привесок к ней. И кончилось тем, что завоеватели были поглощены завоёванными.

Поднялась, возвысилась Москва, раскинулась на необъятных просторах, и бывшие завоеватели стали её подданными. И не истреблялись, а включались в единый многонародный организм Империи.

«Историческая наука,— пишет далее Н.И. Ульянов,— всё больше склоняется к тому, что народы Великой

русской равнины являются автохтонами; никуда не приходили и никуда не уходили, а живут с незапамятных времён, меняя свои названия, культурный, этнографический облик, государственно-политические образования».

Были, конечно, передвижения кочевников, были нашествия, но то были «волны на поверхности устойчивого народного моря».

И это народное море никогда не было однородным по национальному признаку. Испокон веков рядом жили, единую семью составляли, не истребляя друг друга, а сотрудничая в общем деле создания Великой семьи народов,— народы разные, большие и малые.

У России никогда не было и собственно колоний — она всегда была единым целым. «Исторический процесс,— пишет Н.И. Ульянов,— воспитал в населении России большой слой сознательных сторонников её единства».

Не в этом ли фундамент её будущего?

3

В статье «Немного истории» Н.И. Ульянов опровергает представление о Русской Церкви в России докоммунистической, в России исторической, как зависимой от государства и чуть ли не порабощённой им.

При этом проводится параллель с церковью католической.

Основываясь на действительном знании истории, нашей и мировой, Н.И. Ульянов пишет:

«Папская церковь действительно была независимой от монархической власти, но найдите другого более беспощадного тирана и врага свободы вероисповедания, чем папская церковь. Моря крови, зарево костров, яд и

кинжалы иезуитов, альбигойская и гугенотская резня — вот след её в истории».

В светлые страницы истории христианской церкви иногда включают историю Польши. На это Н.И. Ульянов отвечает:

«В 17—18 веках не было ни одной страны, включая султанскую Турцию, где преследование православного христианского населения, составляющего значительную часть Речи Посполитой, носило бы такой планомерный и жестокий характер».

На протяжении всей нашей истории было органическое единство Русской церкви и Русского государства.

«Будь русская церковь «рабой» государственной власти,— пишет Н.И. Ульянов,— она имела бы прекрасный случай избавиться от такой зависимости после завоевания Руси татарами. Татары взяли её под своё покровительство и поставили по положению чуть ли не выше княжеской власти. Ханские ярлыки гласили: «Кто веру русскую похулит или ругать будет, тот ничем не извинится и умрёт злой смертью». Ханы освобождали всю иерархию, от митрополита до последнего чина церковного, от даней и податей. Ни монастыри, ни церкви, ни их слуги и крестьяне не подвержены были никакому обложению. Никому они не были подсудны кроме своих епископов и митрополитов. Благоволение золотоордынских владык было таково, что русская церковь получила возможность открыть епископскую кафедру в самом Сарая — столице Золотой Орды».

Действительно, легко себе представить, как, при поддержке ханов, Церковь могла бы освободиться от княжеской зависимости, если бы такая зависимость

существовала, если бы Церковь была в подчинении у светской власти. Ни зависимости, ни подчинения не было.

«Церковь,— пишет Н.И. Ульянов,— не соблазнилась покровительством Золотой Орды и не проявила ни малейшего колебания в смысле верности своей земле и своему народу».

Конечно, можно вспомнить и о конфликтах некоторых царей с иерархами. Но они ничто по сравнению с тем, что было на Западе.

Россия не знала ни Каноссы, ни Авиньонского пленения, ни трёх пап сразу, поставленных разными коалициями во время Великого раскола 1378—1417 годов».

Считается, что Синодальный период истории Русской Церкви был наиболее мрачным. Н.И. Ульянов оспаривает это утверждение и пишет, что в патриарший период было всего две духовных академии, а церковных школ вообще не было. Совершенно другая картина рисуется нам в Синодальный период:

«При Синоде же видим 4 духовных академии, 55 семинарий, 100 епархиальных школ с 75 тысячами ежегодно учащихся. Сама иерархия возросла численно. Вместо 20 епархий патриаршего периода к 20 веку насчитывалось 64 епархии с более чем 100 епископов. Цифра духовенства доходила до 100.000 при 50.000 церквей. 1.000 монастырей и 50.000 монахов».

В статье «Немного истории» — вся наша история, главное в ней: единость Церкви и Государства, разорванная в 1917 году.

Поднятый высоко флаг наш да не будет спущен.

Владимир САМАРИН

О ДУХОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

К сожалению, опыт мой показывает, что современное русское сознание, пережившее религиозную катастрофу, крайне недоверчиво к религиозной культуре. В лучшем случае мы можем встретить у передовых людей нашего времени и даже у тех, кто причисляет себя к христианам или относится к христианству терпимо ли, с интересом ли, с уважением и т.п., *только* сочувствие к идеям возвращения культуры к корневым проблемам бытия, к идеям христианизации культуры, к идеям воцерковления. Самые передовые и самые, можно сказать, смелые умы, дерзающие пророчествовать о путях России, как правило, считают христианство полумифом, полуреальностью, во всяком случае оценивают его, как некий фрагмент культуры, истории, наконец, как духовный феномен, не более того. В силу этого возникает весьма сложная ситуация: в спектре различных идеологических течений (влияющих на современное русское сознание), борющихся за право восполнить зияющее место в системе идеалов русского сознания, христианство занимает малое место, что, бесспорно, тормозит возрождение России.

И здесь большая вина эмиграции «третьей волны». Ведущие ее идеологи, в силу своей атеистической, агностической или мнимохристианской позиции, помешали Западу понять проповедь Солженицына, мешают они (зная это или нет) Западу услышать единственно живую и перспективную, говоря казенным языком, силу России. А именно — христианство, так называемое религиозное пробуждение, которое нуждается в защите и поддержке более, чем все другие движения (более потому, что христиане не предадут сами гласности свои мучения за Христа, а сносят их смиренно, дело проповеди их подвига, дело защиты их

принадлежит тем, кто на свободе) и именно теперь, когда пытаются его уничтожить. Эти идеологи, наиболее сильные из которых, пользуясь поддержкой политических кругов Запада для издания своих журналов и книг, не только заглушают своими самоуверенными голосами голоса из России (хотя порой делают вид, что служат именно им), но и, как это ни печально, тормозят процесс христианизации русского сознания, отравляя его все тем же нигилизмом безбожной культуры, в котором кроме отрицания, ненависти и сарказма, вызывающих только страх, нет почти ничего. Это — советская культура с антисоветским содержанием, конечно же, находит своего потребителя и там, и здесь. Россия жадно поглощает все, что в нее попадает, но это отнюдь не значит, что урожай, выращиваемый третьей эмиграцией, способен возродить к жизни мертвые души (говоря о «третьей эмиграции», я имею в виду прежде тех, кто «спасает» Россию своими сочинениями — журналами, книгами, радиопередачами, т.е. не «демократическое движение», а «культурное», так сказать). Это — иллюзия, а успех, о котором писателям третьей волны сообщают их почитатели, — мнимый успех: континенты и синтаксисы, действительно, жадно читают, но это, как правило, *что-то на час*, содержащее порой интересную информацию, полемику и прочее, но для воскресения души, для обновления духа — *бесплодное*. В этом и заключается главный смысл рокового разделения между первой и третьей эмиграциями. Это разделение Христом. Объединять же русские силы в эмиграции может только Христос, но для этого надо отказаться от самоутверждения, жажда которого была внушена именно здесь, в безбожном обществе, где от нас скрыли, что гордость собой и своими делами — не достоинство, а поражение: Господь гордым противится, а смиренным дает благодать.

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

О СБОРНИКЕ «НАДЕЖДА»

Это уникальные сборники, таких не было в России, хотя до революции подобные Чтения выходили десятками. Однако, трагический опыт нашей родины коренным образом изменил путь ко Христу русского человека XX века. Этот опыт сродни опыту первохристиан и одновременно с этим он вмещает в себя некоторым образом двадцативековой опыт человечества.

Чтение это уникально еще и потому, что делается *здесь*, в наших условиях, свидетельствуя о Христе в России в наше время и о духовной жизни современных нам людей. Вы можете себе представить, сколь сложно и сколь радостно этим заниматься. «Надежда» здесь *нарасхват*, ее читают, записываются в очередь, переписывают, перепечатывают, это живая, действенная проповедь Христа, проповедь спасения, научение спасению, она способствует вере, ведет к Крещению. «Надежду» просят священники в приходы, ее умоляют достать. Книг очень мало, я сама чудом достала несколько экземпляров, которые раздала. Прошу Вас: шлите в Россию «Надежду», она здесь остро необходима.*

Вчера в среду на Крестопоклонной неделе арестован Капитанчук. Аресты нарастают. Как чума надвигается на нас Олимпиада... Запад, как нам кажется, вяло реагирует на аресты верующих. Все дело, по-видимому, в том, что на Западе не понимают, в чем *смысл* религиозного пробуждения России. Не понимают, что

* Сборник — «Христианское чтение», составленный в России и печатаемый теперь за рубежом. (Ред.).

это единственная надежда на его, Запада, собственное спасение. Только нравственное возрождение России может противостоять дьяволу, сковавшему Россию.

Мы знаем только одно средство для спасения, это — покаяние, ведущее к обновлению и преображению. Если не бросить сегодня всех сил именно на это дело, дело помощи религиозному возрождению, то уже завтра стихия атеизма и сатанизма сметет и Запад и весь мир. Нужно усилить проповедь Православия именно в этом контексте. Запад боится русского национализма, связанного якобы с Православием. Это — плод невежества. Необходимо это разъяснить.

Последние аресты свидетельствуют, что никакого сотрудничества режима с Православием быть не может, что эти угрозы Западу, высказанные не только одним Синявским, есть химера. Шовинисты, которые мечтали бы о таком «симбиозе», больны невежеством, религиозное сознание их еще крайне неразвито и поэтому их невежественный бред, которым пугают Запад, по сути своей бессмыслен.

Еще хочу подчеркнуть, что сейчас особенно нужно издавать то, что создается *здесь*. Это есть. Этому надо помогать. Проповедь Апостола Павла была особенно важна в развитии христианства, потому что он из Савла стал Павлом. Свидетельство о Христе в России, где за него сажают, самое важное сегодня. Людям, живущим здесь, необходимо знать, что их соотечественники, воспитанные в атеистическом обществе, узнали Христа и *не боятся* о Нем свидетельствовать. Это исповедничество, которое *убивает страх*.

Н.

О РЕЛИГИОЗНЫХ РАДИОПЕРЕДАЧАХ

2 апреля 1980 г.

Постоянно слушая религиозную программу, я давно хотел выразить глубокую благодарность за то великое и полезное дело, которое Вы совершаете для христианского просвещения России, как никогда прежде жаждущей слова наставления и поддержки на сложном и многотрудном пути возрождения православного сознания и возвращения к Христу-Спасителю. Этот путь не будет столь скорым, как многим мечтается, так как слишком безжалостно и беспощадно разрушали десятилетиями и всё ещё продолжают разрушать стремление русского человека к Богу и Истине.

Пробуждение, однако, уже свершилось и идёт, пусть не очень широко, с неодолимой силой, отчего на Вас и Ваших помощников ложится священный долг укрепить, ободрить и направить в должное русло это движение, ибо нет сейчас в России более эффективного средства для распространения Слова Божьего, чем радиопередачи. Ведь в сотнях городов и тысячах деревень уже полвека нет Божьего храма и несколько поколений людей, т.е. десятки миллионов *никогда* не слышали Священного Писания, которое могло бы переменить их жизнь и повести к спасению.

И печально сознавать, что благовестие Евангелия слышат они в передачах чаще не из уст православного священника, а протестантского или баптистского проповедника, которые в последнее время со всё большей настойчивостью обращают Россию. Конечно, надо радоваться, что Евангелие хоть и таким путём доходит до жаждущих веры людей, но хочется всё же, чтобы сильнее проповедовала его Православная Церковь,

потому что православие было и должно быть основой русской религиозной и общенародной жизни.

Почему в этот переломный момент столь слабо слышен его радиоголос? Нет пока, к великому сожалению, чисто православной станции, а она, ох, как нужна. Регулярно русский слушатель принимает только две православные программы: «Голоса Америки» и Би-Би-Си, так как «Свобода» слышна в одних глухих районах. О мощном передатчике «Немецкой волны» и говорить неохота: крошка из случайных подчас заметок, приготовленная равнодушными людьми. Би-Би-Си привлекает, несомненно многих евангельскими чтениями, сопроводительными беседами еп. Василия, трансляциями богослужений и редкими, увы проповедями митр. Антония. И всё же данная программа — несколько академична и дипломатична, старается обойти злободневные вопросы (не всегда, конечно) и экзистенциальные проблемы, оставаясь в основном в рамках семинаристского богословия.

По этой причине слушатель, который хочет более живого и современного освещения христианской проблематики, обращается к Вашей программе, где она представлена весьма компактно, разнообразно и откровенно, а главное — с бóльшим сердечным участием и пылом. Как и каждый пастырь, Вы стремитесь, разумеется, к тому, чтобы Ваши слова успешнее и сильнее доходили до слушателя, для чего всегда полезно знать его мнения и пожелания. В скромной надежде, что моё мнение будет Вам небезынтересно, я излагаю некоторые мысли, которые порождены передачами и их восприятием известной мне аудитории.

Прежде всего большинство Вашей аудитории составляет не церковный народ, т.е. пожилые женщины, а

ищущая и обретшая Христа гуманитарная и реже техническая интеллигенция молодого или среднего возраста. Многие из этих слушателей начитаны в религиозной философии, но порой знают Бердяева, Булгакова и Флоренского лучше Священного Писания. Христианские мистики или теософы интересуют их зачастую сильнее православных святителей и писателей. Разбираясь в тонкостях светской философии, они игнорируют традиционное богословие Запада; спорят о Юнге, Леви-Стросе и Глюксмане, но крайне редко берут в руки молитвенник и плохо представляют основы православного вероучения.

В общем, это — люди, полные иногда искренней и глубокой веры, но нередко покрывает их «тьма неведения о Боге, о себе самих и о врагах своего спасения» (св. Иоанн Кронштадтский), ибо лишь в исключительных случаях они живут жизнью Церкви. Снова русская интеллигенция повторяет свой прежний грех, который она (да и то не вся) в своё время слишком поздно осознала и за который дорого поплатилась,— грех гордыни и самомнения, что ныне оправдывается зависимостью Церкви от государства, держащего интеллигенцию вдали от Церкви, вне которой нет спасения.

По этой причине интеллигенция, т.е. Большая часть Ваших слушателей, нуждается в объяснении и постоянном напоминании главных основ православной веры, православного учения о Церкви и её роли в домостроительстве спасения. Столь полезны оттого передачи о таинствах, богослужении (вроде удачной «Структуры всенощной»), праздниках, символике, а также об основных этапах нашей (в том числе современной) церковной истории, о главных святых, пастырях и церковных деятелях, в особенности в связи с

недалёким тысячелетием крещения Руси. Желательны беседы о молитве, ибо интеллигентные верующие ею много пренебрегают, предпочитая читать, спорить, а не молиться. Такие передачи больше раскроют духовные сокровища нашей Матери-Церкви и будут содействовать мучительному процессу воцерковления интеллигенции, крайне важному для дальнейшей судьбы религиозного возрождения.

Разумеется, эта «катехизация» должна органично и постоянно сочетаться с религиозно-философскими беседами, которые очень ценит верующая интеллигенция за их высокий интеллектуальный уровень. Только упор при этом не всегда следует делать на отвлечённо-догматические проблемы или русских религиозных философов «серебряного века», но и на нравственное богословие и богословов, стоявших на сугубо церковных позициях (еп. Феофан Затворник, о. И. Кронштадтский, митр. Антоний Храповицкий). Ведь у современного верующего существует большой разрыв между его христианским сознанием и конкретным поведением, требованиями Церкви и устремлениями личности.

* * *

Вы регулярно проводите обзоры русских религиозных журналов и отдельных книг. Дело это — нужное, оно должно стать отдельной постоянной рубрикой, в которую желательно ввести и инославные публикации, интересные с православной и общецерковной позиции. Зная названия, сейчас можно получать подобные издания на иностранных языках. И, конечно, всегда ценны беседы с церковными деятелями (особенно с карловчанами), исповедниками веры и просто с христианами с большим духовным опытом. Христиане, прибывшие из России, своими свидетельствами помогают недостаточно информированным людям узнать об истинном

положении Церкви, а кроме того поддерживают гонимых и противодействуют произволу гонителей. Одно можно посоветовать тут: внимание не только к отдельным выдающимся личностям, о которых упоминают и другие программы, но и к рядовым страдающим за веру христианам, поскольку даже простое повторение их имён в передаче уже даёт определённый эффект.

Желаю Вам обильной Божьей благодати в Вашей архинужной работе и поздравляю с Воскресением Христовым. Храни Вас Господь!

С неизменным уважением,

В.А.

ФОТОКОМПЬЮТЕРНАЯ ТИПОГРАФИЯ
НОВЕЙШИЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАБОР И ДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ
ОФСЕТНАЯ ПЕЧАТЬ КНИГ, ЖУРНАЛОВ, ГАЗЕТ, БРОШЮР, АФИШ.
БОЛЬШОЙ ВЫБОР МОДЕРНЫХ РУССКИХ ШРИФТОВ (свыше 200).
ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ — БЕСПЛАТНАЯ КОРРЕКТУРА
ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ПЕЧАТИ — низкие цены
ДЛЯ НОВЫХ ЗАКАЗЧИКОВ — ОСОБАЯ СКИДКА
Писать или звонить Борису Бересту: (212) 445-2836

LITERARY FRONTIERS

P.O. Box 54101, Linden Hill Station, New York 11354

РУССКОЕ ДЕЛО В АВСТРАЛИИ

Прошлой весной, по приглашению архиепископа Феодосия, возглавляющего православную русскую церковь за рубежом в Австралии, эту отдаленную часть света посетил о. Александр Киселев. К его приезду были приурочены съезды православной русской общественности в Сиднее и Мельбурне, на которые собрались сотни людей.

Подготовка к предстоящему 1000-летию Крещения русского народа волнует русские сердца и побуждает нас к активизации церковной общественной жизни. Во весь рост встает проблема нашей ответственности за то духовное богатство, которое русская эмиграция обязана сохранить для будущей России. Вопрос о том, в чем именно заключаются эти ценности и какими нашими действиями они могут быть не только сохранены, но и приумножены — составлял ту центральную тему, которая вдохновляла участников съездов.

Докладчики отлично справились с возложенной на них задачей, результатом чего был живой отклик и обмен мнениями участников съездов.

Кроме участия в съездах отец Александр посетил районы, населенные русскими эмигрантами, обращаясь к ним с приветствиями и докладами.

Среди русских австралийцев возрос интерес и к нашему журналу. В Сиднее, Мельбурне и Аделаиде сейчас работают специальные представители журнала «Русское возрождение».

* * *

Весной этого года в Австралии была проведена кампания, обозначенная в следующем обращении:

ОБРАЩЕНИЕ К ЛИДЕРАМ АВСТРАЛИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Милостивый Государь,

Мы прилагаем наше объявление, недавно напечатанное в австралийской прессе. Получив благоприятные отзывы австралийской публики, мы с искренним уважением к Вам, как к лидеру общественного мнения, обращаемся с просьбой придать особое значение следующим фактам:

За последние 62 года Советское Правительство во всех своих официальных документах — дипломатических, коммерческих и сообщениях в печати — всегда пользуется новым именем страны — «СССР» и «советский» и НИКОГДА «Россия» и «русский».

Всегда делаются ссылки на «руководящее» значение Коммунистической Партии Советского Союза, что указывает на диктаторскую роль однопартийной системы, возглавляемой Политбюро.

В данном случае применение имен «Россия» и «русский» означает приписывание поработителю имени жертвы.

Смещение понятий «советский» и «русский» принесет непоправимый вред наследию и престижу русского вклада в культуру Австралии.

Марксистско-коммунистическое Правительство СССР имеет своей целью мировое господство и этим выявляет свою интернациональную сущность.

Оно ведет к уничтожению религии, человеческих прав и свободы.

Необходимо иметь в виду, что ни одна нация не застрахована от марксизма-ленинизма, т.к. он обещает многое, но приносит только цепи.

Духовное осознание жизни благодаря религии является величайшим Божьим даром человечеству и его культуре.

В Австралии свобода религиозной проповеди считается само собой разумеющейся, и никому не придет в голову преследовать священника за выполнение его долга.

В СССР марксистско-коммунистическое правительство всеми силами борется с религией, и десятки тысяч священнослужителей замучены безбожной властью.

Преследования продолжаются до сего времени, и совсем недавно священники Дмитрий Дудко и Глеб Якунин были арестованы **ТОЛЬКО** за то, что проповедовали Евангелие!

За религиозные убеждения преследуются все народы всех вероисповеданий по всему СССР.

Мы благодарим Вас за Ваше внимание и просим оказать содействие Вашим влиянием в разграничении понятий «Россия» и «русский», как совершенно противоположных понятиям «СССР» и «советский», т.к. марксистско-коммунистическое правительство прежде всего является **АНТИРУССКИМ!**

С совершенным почтением,
австралийские граждане
русского происхождения

Это письмо было разослано всем членам австралийских парламентов и другим австралийским общественным деятелям. Всего было разослано более тысячи

экземпляров; некоторые русские по своей инициативе разослали тысячи фотокопий газеты «Австралия». В ответ было получено множество благоприятных отзывов. В федеральном парламенте в Канберре, в сенате, в феврале ссылались на разосланные и опубликованные документы и зачитывались части их. Все это говорит об успешности проделанной акции.

В.К.

« СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ »

Карпатская Русь все десять веков своего отдельного от России существования стояла на страже единства всех русских племен. « Свободное Слово Карпатской Руси » за двадцать лет своего существования продолжает высоко держать стяг имперского единства нашей многонациональной родины.

« ССКР » — общерусский журнал, национальный и патриотический, духовный наследник и продолжатель славянофильских традиций.

« ССКР » — антикоммунистический журнал, который считает коммунизм врагом всех народов и прежде всего народа русского.

Становитесь читателями и подписчиками этого единственного в своем роде журнала русской эмиграции.

Адрес журнала : "FREE WORD" P.O. Box 509
Mount Vernon, N.Y., U.S.A. 10550

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ЗА СПАСЕНИЕ НАШИХ БРАТЬЕВ

Мне кажется символичным тот факт, что молебен и крестный ход в Нью-Йорке 24 февраля в защиту арестованных в СССР православных священников и других узников веры и совести, поборников прав человека и национального возрождения совпал с воскресеньем Торжества Православия, с днем, когда в кафедральных соборах совершается изумительный Чин Православия, когда перечисляются все исторические ереси, увлекающие человека на духовную гибель. Я стоял в Синодальном Соборе и перед моим умственным взором невольно возникал образ спасительной ограды, отделяющей нашу внешне беззащитную Церковь — маленький ковчег спасения — от огромного, безумствующего и погибающего мира. А какая мелодия звучит в это время! Она пронзает душу до самой сокровенной глубины, сжимает сердце ужасом и скорбью и согревает его слезами утешения. И когда могучему хору духовенства вторит, как эхо, тихое, прекрасное, как будто с неба несущееся, пение невидимого хора певчих, мне казалось, будто это голос небесных праведников подтверждает правильность решений земной Христовой Церкви, получившей от Господа право предавать анафеме нераскаявшихся еретиков и сознательных служителей дьявола. Духовному подъему молящихся способствовала и простая, но проникновенная проповедь епископа Манхаттанского Владыки Григория (Граббе), который, обращаясь к совести каждого, спрашивал: «Кто ты? Истинный ли христианин, готовый до смерти стоять за Святую Православную Веру и Правду Божию, или только христианин по названию, а по существу язычник?»

Во время краткого перерыва перед молебном, а также и во время шествия крестного хода, собирались пожертвования для бедствующих семей находящихся в тюрьме священников о. Дмитрия Дудко и о. Глеба Якунина. Во время молебна молились за страждущих ныне в тюрьмах, концлагерях и ссылке православных христианах, а после крестного хода была провозглашена вечная память всем убиенным коммунистами мученикам Святой Веры и Правды, начиная с Царской семьи.

На 5-м авеню я вышел из колонны, чтобы взглянуть на Крестный ход глазами прохожего,— и ахнул! Заняв половину широкой улицы, шествие растянулось на несколько кварталов, а сзади двигался автобус для пожилых людей. Перед крестным ходом двое молодых людей несли большой транспарант с надписью по-английски: «Мы молимся за свободу религии в СССР», затем, в подобающем порядке, молодежь несла фонарь, большой православный крест и хоругви с образами Спасителя и Божией Матери. Голову и душу крестного хода составляло духовенство Русской Православной Церкви За рубежом: епископ Манхаттанский Владыка Григорий, митр. прот. Митрофан Зноско-Боровский (Си-Клифф), митр. прот. Александр Киселев (Нью-Йорк), создатель и председатель «Комитета Защиты Гонимых Православных Христиан», по чьей инициативе и состоялся молебен и Крестный ход, прот. Валентин Хмелев (Квинс), прот. Александр Феодоровский (Ново-Дивеево), прот. Владимир Шишков (Ньюарк), прот. Георгий Ларин (Наяк), прот. Александр Лебедев (Глен-Ков), иерей Александр Ковалев (Глен-Ков) и дьякон Николай Мохов (Синод). От Православной церкви в Америке присутствовали прот. Кирилл Фотиев (Бруклин), иерей Михаил Аксенов-Меерсон (Нью-Йорк), библиотекарь Свято-Владимирской Духовной Академии

и семинаристы. Певчие разных православных приходов шли за духовенством. И отсюда, от духовенства, от головы, начинались и разносились по огромной колонне Крестного хода православные песнопения, удивляющие и собирающие толпы любознательных ньюйоркцев. «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...». Как жаль, что жители Нью-Йорка не могут понять, о чем мы поем, и не могут прочитать написанное по-русски на большом транспаранте: «Русские люди! берегите лучших представителей своего народа!» Но зато им понятна надпись по-английски на огромном трехцветном полотнище, которое несут несколько молодых людей вдоль колонны Крестного хода: «Свободу России!» Им понятны надписи на плакатах с портретами о. Дмитрия Дудко, о. Глеба Якунина, лидера ВСХОН Игоря Огурцова, редактора журнала «Вече» Владимира Осипова и академика Андрея Сахарова, с призывами о спасении этих людей, с требованием прекратить преследование за веру, со словами о. Дмитрия Дудко: «Я делаю то, что должен делать священник», с требованием предоставить русскому народу свободу веры и совести и т.п. Американцам понятен плакат, где на карте СССР обозначены концлагеря для верующих и политзаключенных и по-английски написаны их названия. Проходим раздавались брошюры «Комитета Защиты Гонимых Православных Христиан», издающиеся по-английски о. Виктором Потаповым в Вашингтоне, а также листовки об Игоре Огурцове, напечатанные Конгрессом Русских Американцев и обществом «Отрада», которые подробно объясняют американцам положение верующих в Советском Союзе.

Крестный ход был остановлен полицией и барьерами примерно в ста метрах от дома советской миссии в ООН.

Дальше не пустили даже делегацию из 12-ти человек. Неважно, видно, чувствуют себя красные деспоты, если боятся даже мирного церковного шествия! Моление о жертвах коммунистического террора и выступления состоялись на перекрестке 67-й стрит и Лексингтон авеню, около огромного здания, похожего на средневековую крепость. Благодаря мощным усилителям молитвы и выступления разносились далеко по улицам Нью-Йорка и наверняка были услышаны в советской миссии. В своем выступлении по-английски о. Владимир Шишков призывал всех христиан мира выступить в защиту гонимых и мучимых коммунистами православных христиан в Советском Союзе, которые насмерть стоят за правду и святую веру, подобно христианам первых веков. Затем о. Александр Киселев обратился к участникам Крестного хода по-русски и сказал о подготовке дальнейших мероприятий в защиту наших братьев в оккупированной международным коммунизмом России, в частности, о суточной голодовке перед зданием ООН 26 и 27 марта, и поблагодарил всех присутствующих за участие в молебне и Крестном ходе. На этом Крестный ход закончился, оставив в душах участников чувство духовного единства в исполнении своего религиозного и патриотического долга.

Корреспонденты радио (Голос Америки, Свобода, Свободная Европа), телевидения (5 и 11 каналы) и прессы (Нью-Йорк Таймс, Ассошиэйтэд Прэсс, Новое Русское Слово) сопровождали и фотографировали Крестный ход и молебен и брали интервью у некоторых участников. Будем надеяться, что американские граждане будут достаточно информированы о гонениях на русских православных людей в Советском Союзе и не останутся равнодушными к коммунистическому террору, а наши страдающие братья и сестры во Христе получают

моральную поддержку в своем героическом противостоянии всемирному духовному злу.

Как стало известно, в тот же день, 24-го февраля, Русская Православная церковь служила молебен и на Западном побережье Америки, в Сан-Франциско — пятый по счету, после Западной Европы, Торонто (Канада), Вашингтона и Нью-Йорка. Даст Бог — не последний.

Участник Крестного хода

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ — В КОГТЯХ У САТАНЫ!

Когти служителей дьявола — капээсэсовцев — впиваются в израненные тела светлейших людей России: священников о. Дмитрия Дудко, о. Глеба Якунина, о. Николая Романюка и многих не имеющих духовного сана христиан, бесстрашно шедших бок о бок с этими героическими пастырями по пути, указанному — и пройденному — самим Спасителем. Их — тысячи на нашей многострадальной земле Русской. Это и Регельсон, и Огородников, и Пореш, и многие-многие другие христиане — как православные, так и представители других церквей на Отчизне.

Обо многих в Зарубежье время от времени уже писали (хотя явно недостаточно — ведь это же факелы Надежды, это же, хоть и разной силы яркости, но — светочи!). О других же, менее известных и совсем пока неизвестных, надо, надо писать, надо одного за другим вырывать их из мрака негласности, который служит самой лучшей завесой для дьявольско-коммунистической нечисти!!

Мне посчастливилось лично знать некоторых из этих более известных людей, и я горячо благодарен Господу

за то, что Он познакомил меня, например, с о. Дмитрием и о. Глебом — с этими героическими борцами за спасение душ человеческих, за просветление их несмотря на все чудовищные козни временщиков, заграбаставших нашу Родину в октябре 17-го года.

Я пишу эти горькие строки в тот день, когда начинается суточная манифестация-голодовка в защиту гонимых христиан земли Русской. Здесь от нас не требуются подвиги (здесь, несмотря на некоторые проблемы другого рода и другого происхождения, гораздо меньше необходимость в героизме), здесь долг совести требует от нас хотя бы очень скромной лепты в защиту лучших людей России. Если мы дадим погибнуть ИМ, то погибнут потом и бесчисленные тысячи других, и — жутко подумать! — повторится Архипелаг!! И захлестнёт весь мир!

Давайте же, каждый в меру своих сил и возможностей, приложим старания, чтобы защитить и спасти о. Дмитрия, о. Глеба Якунина и всех других узников совести! Возвысим свой голос братской солидарности, как братья и сёстры во Христе, умножим усилия в кампании помощи всем гонимым христианам, и не менее страдающим «просто» диссидентам, не акцентирующим вопросов веры в своей борьбе за неотъемлемые человеческие права и свободы, за свои честные убеждения! Не отдадим лучших людей России на съедение ненасытной коммунистической геенне!

Нью-Йорк,
26 марта 1980

Владимир Честной

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый господин редактор!

Хотя вопрос славянского или норманского происхождения племени Русь не имеет прямого отношения к 1000-летию крещения Руси, он, вероятно, прямо или косвенно ещё не раз появится на страницах «Русского возрождения». И мне хотелось бы сказать, что ни норманистам, ни антинорманистам не следовало бы представлять свои мнения, как научно доказанные истины.

Анатолий Михайловский, автор статьи «О нашей русскости» («Русское возрождение», № 7-8), вероятно, принадлежит к норманистам, потому что пишет: «можно с полным основанием утверждать, что первоначально речь шла о военно-командующей нормано-варяжской «Руси». Славянская, «русская» уже по имени и крови Русь вышла на арену истории под главенствующим водительство «Руси» скандинавского происхождения».

Отцом норманской теории считается немец Зигфрид Байер (1694-1738), автор ряда исследований о русской истории, опубликованных по-латыни и по-немецки на уровне исторической науки начала XVIII века. Современник Байера, Ломоносов с самого начала опровергал немецкую точку зрения на русскую историю. Ни доводы норманистов, ни их противников современная историческая наука не считает достаточными, почему авторы, в зависимости от своих точек зрения, имеют право защищать любую из этих теорий, но не считать, что они делают это «с полным основанием».

С почтением.

Р.Полчанинов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Солженицын. Чем грозит Америке плохое понимание России</i>	5
<i>Отец Дм. Дудко. Что значит миф о России</i>	57
<i>Протоиерей А. Киселёв. Что произошло с о. Дмитрием?</i>	66
<i>Б. Афанасьевский. Русское дело</i>	67
<i>А. Н. Князь Андрей Звенигородский</i>	74
<i>В. Н. Россия перед революцией</i>	87
<i>Генерал Власов в Риге</i>	96
<i>Дм. Дроздов (о. Дм. Дудко). Двойное течение</i>	106
<i>Т. Петровская. Перевернутый мир</i>	127
<i>В. Самарин. Подъем флага</i>	131
Письма из России:	
О духовных проблемах современности	137
О сборнике «Надежда»	139
О религиозных радиопередачах	141
Русское дело в Австралии	146
Письма читателей:	
За спасение наших братьев	150
Лучшие люди — в когтях у сатаны!	154
Книги для верующих в России	158

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

КНИГИ ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ В РОССИИ

Уже несколько лет большая часть молодежи в Советском Союзе приходит ко Христу «...дойдя до грани человеческого отчаяния, заглянув в бездну душевной гибели...», пишут они нам. Ощущение присутствия Христа является для них единственно возможным путем в жизни.

Проникнуты этим светом и образом человека, созданного по образу Божьему, они стараются выработать истинно христианское мировоззрение, которое могло бы одухотворить современную культуру и создать обновленную этику. Церковь, в том состоянии, в котором ее допускает советская власть, не может им помочь. Вот почему они собираются независимо от церковной иерархии для толкования Евангельского учения, чтобы укорениться в творческой Традиции, ответить на вызовы современности, и прежде всего советской действительности, лишенной духовности. Возникают многочисленные кружки, «свободные семинары», в которых изучаются «проблемы религиозного возрождения в России».

Но власть строго карает эти еще очень слабые попытки. «Международная Декларация Прав Человека» и «Хельсинкские Соглашения» нарушены. Власть безбожия ожесточается более, чем когда-либо. За эти месяцы аресты умножились: еще совсем недавно арестовали отца Глеба Якунина, Татьяну Великанову, Льва Регельсона, отца Дмитрия Дудко.

На днях нам сообщили, что основатели свободного семинара в Москве, Александр Огородников и Владимир Пореш, будут судимы не за тунеядство или воровство, как это до сих пор делалось, а за «антисоветскую пропаганду» и «организацию групп». Таким образом, им угрожает приговор к 5-10-ти годам концлагеря и тюрьмы.

Мы еще раз настаиваем: их арестовали, и их будут судить только за то, что они мыслят как христиане! Ко всем бесчисленным мученикам за веру Христову, пострадавшим от советской власти, теперь будут причислены новые исповедники.

Мы обращаемся ко всем, и прежде всего к христианам, которым дорога свобода духа и человеческого достоинства. *Не достаточно только протестовать, нужна и конкретная помощь!*

Конкретной помощью для этих свидетелей Духа в России является посылка книг.

Помогите нам посылать книги в Советский Союз: всякая книга, говорящая о смысле жизни, цели существования,— струя чистого воздуха для тех, кого отравляет отжившая идеология.

Нам пишут: «Духовный голод в России бесконечен, и мы призываем вас многократно умножить ваши усилия для смягчения книжного голода. Необходимо организовать широкий сбор книг для посылки в Россию или средств для их приобретения. Книга, полученная с Запада, для нас бесценный подарок... Главным образом, молодежь интересуется религиозной литературой, Евангелием, Библией, которых почти невозможно достать в Советском Союзе».

Каждая книга, переправленная туда, будет переписана, размножена, будет передаваться из рук в

руки и станет живым словом. Тут дело не политике, а в жизни или смерти души, что так же важно, как жизнь или смерть тела.

Помогите нам посылать книги этим верующим, ищущим людям. Они у нас этого просят, как голодный — куска хлеба!

Деньги можно посылать на почтовый текущий счет РСХД:

ACER ССР 15 37 3559 Y PARIS или чеком, выписывая чек на имя ACER—RUSSIE и посылая чек по следующему адресу: ACER AIDE CROYANTS, 91 rue Olivier II 75015 PARIS FRANCE

РСХД

ИСПРАВЛЕНИЯ

В № 7-8 журнала, в статье В.Самарина «Путь подвижничества», на стр. 270 в предпоследнем абзаце при наборе была пропущена строка, искажившая текст, так что получилось, будто бы Главой Русской Зарубежной церкви был митрополит Серафим. Правильно надо было читать: «По праздникам служил Глава нашей Зарубежной Церкви, митрополит Анастасий, скончавшийся в США. Служил и митрополит берлинский и германский Серафим, также ныне покойный...»

В № 9, в статье «Уточнение позиций», на стр. 107, во втором абзаце напечатано: «Русские в Тегеране». Надо: «Русские в Кабуле».

В № 9 на стр. 3 фотография А.Солженицына напечатана с чертой — по вине типографии, в которой печатался журнал.

(Ред.)

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Подписка на 4 номера США, Канада Австралия		Другие страны
Рассылка журнала : из Нью-Йорка из Парижа		
I. Подписка с пересылкой обыкновенной почтой	19 ам. долл.	75 фр. фр.
II. Подписка с пересылкой воздушной почтой	29 ам. долл.	100 фр. фр.
III. Цена в розничной продаже	5 ам. долл.	25 фр. фр.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами)

« 1000 Anniversary Committee », 322 W. 108 St.,
New York, N.Y., 10025, USA

в Европе чеки посылать секретарю редакции:
Melle Nathalie Semenoff 1, rue Delaporte,
94700 Maisons-Alfort, France.

НАБОР И ПЕЧАТЬ: типография «Литературного ЗАРУБЕЖЬЯ»

Composition and layout by LITERARY FRONTIERS,
P.O. Box 54101, Linden Hill Station, New York 11354
Tel.: (212) 445-2836